

Ноябрь 1917 - январь 1918 гг. (До созыва Учредительного собрания)

- Вторая революция
- "Декларация" и жизнь
- Новая власть
- Две стороны
- От тупика к тупику
- Организация революции
- Слова и — действия
- Война
- Голод
- Последний этап
- Ново-Жизненский Анархо-Синдикализм
- Учредительное собрание

- Как быть?
- Сплетни и факты (Правда о синдикалистах)
- Предостережение
- Вместо У. С.
- Грядущие задачи
- Заключение мира
- Крестьянское дело
- Горькие плоды
- Диктатура пролетариата и Советская власть

Вторая революция

1917, 3/16 ноября. «Голос Труда», № 13.

Сложность перехода от еженедельной газеты к ежедневнику лишила нас возможности высказываться в течение целой недели.

Семь дней вынужденного молчания — в такое время, когда каждый пережитой час измеряется годами!

Неделя молчания — когда каждый отжитой день меняет положение вещей, повелительно требуя нового слова, нового освещения, разъяснения, указания!

Притом, мы, анархо-синдикалисты, занимаем в революции совершенно особое место. Наш голос должен раздаваться непрерывно, чтобы к нам прислушивались, чтобы нас знали, чтобы нас не исказили... Первый раз в России мы можем говорить и действовать свободно.

Как же относимся мы к разразившейся „второй революции“? Как понимаем ее?

***

Люди, хоть несколько знакомые с нами, знают, что мы относимся отрицательно ко всем, без исключения, политическим партиям.

Мы не признаем путей, предлагаемых этими партиями.

Мы не признаем захвата политической власти. Не признаем раздоров между партиями и их споров из-за власти. Не признаем организации рабочего класса в политическую партию.

Мы не признаем политического пути революции.

Мы говорим: с самого начала русской революции, то есть с марта месяца, трудящиеся массы должны были организовываться *беспартийно* в свои трудовые, классовые организации, объединяя их между собой и направляя на единственно-необходимую цель - перенятие в свое ведение и распоряжение всех „материалов для труда“ и всей хозяйственной жизни.

Мы говорим: именно в первые месяцы революции никто не мог и не стал бы мешать этой стройке, этому объединению, этому делу.

Люди знания, люди опыта, люди образованные, интеллигентные—должны были, с первых же дней революции, заняться не политической борьбой, не политическими лозунгами, не „организацией власти“, а организацией революции. Они должны были содействовать

массам в развитии и усовершенствовании выдвинутых ими организаций и направить деятельность, энергию, внимание масс на организационную подготовку действительной, экономической, трудовой революции.

Никто в то время не мешал бы им.

Рабочие, крестьяне и солдаты были бы дружны в этой общей работе. Революция шла бы быстрыми шагами, по прямой дороге. Она пустила бы с первых же дней, глубокие корни — тем более, что масса сама, в стихийном порыве, создала сеть своих организаций, и надо было лишь внести в это строительство известную планомерность, сознательность, идейность...

О если бы с самого начала, все честные революционеры, вся социалистическая печать и пр. отдали свои силы, свое внимание и энергию на эту сторону дела!... Пути революции были бы иными...

Увы! Именно этого не было сделано.

Еще один раз политические партии направили революцию в политическое русло, разбивая рабочие массы на фракции, отвлекая их от единственно-важной задачи...

Массовые организации глохли, вырождались, отрывались от жизни, повисали в воздухе.

Все внимание партий, людей и печати ушло на „политику“; на вопросы „программ“, политических взглядов, организации власти, борьбы за власть и т. д.

Революция пошла кривой, политической дорогой. Массы были сбиты с пути, потеряли свои истинные позиции и увлечены были в сторону политическими лозунгами и целями.

Увы этот, политический путь революции имеет свои железные законы, свою роковую последовательность. Он неизбежно должен приводить революцию (и приводил все прошлые революции) к тупику и взрыву.

Мы всегда предвидели этот роковой путь и его логическое завершение. И мы не ошиблись.

Вот почему, мы, до последней минуты, не Переставали всеми силами бороться против политического пути революции и против политических партий, в том числе — большевиков. Мы направили на них всю нашу критику и, до последнего часа, не прекращали её. Еще в 12-м номере „Голоса Труда“, вышедшем за день до начала новой революции, мы продолжали эту критику. И на прямой вопрос относительно предстоящего „выступления“, мы отвечали: поскольку неверный политический дуть роковым образом приводит к политическому выступлению, постольку мы относимся к нему отрицательно.

Но, - добавляли мы, - раз движение станет фактом и примет массовый характер, - мы будем, как всегда, с революционными массами.

И вот, час пробил. Неизбежная, при политическом ходе революции, развязка наступила.

Не отказываясь, разумеется, и ныне от критической оценки событий вообще и деятельности отдельных партий в частности, мы должны, однако, обратить главное наше внимание на другую сторону.

***

Революция стала снова массовой. События стали стихией. Не в „большевиках" теперь дело. Перед лицом новой бури они сами отходят в тень...

Роковое свершилось. Неизбежное началось. Жребий брошен. Возврата нет.

Только слепцы или сознательные лжецы могут теперь твердить об „авантюре" и „заговоре"...

Нет, нет! Все политические партии (а не одни только большевики) повинны в том тупике, в который была загнана революция. Но теперь она выбита из этого тупика и мчится снова по большой дороге.

Не в „большевиках" теперь дело. Дело в том, что масса снова творит революцию. И дело, — главное, — в том, что у этой революции есть, все же, крупные шансы выйти, в конце концов, на прямую дорогу.

События приобретают теперь громадный смысл. Революция и контрреволюция, успевшая окрепнуть, пока массы занимались политическими погремушками,—снова и решительно скрестили шпаги.

Вот где основной смысл момента.

Революция сделала новый судорожный скачек, вырвалась из тупика и бешено мчится вперед. Против неё идет контрреволюция. Волей-неволей, надо быть или с той, или с другой из сил. Середины нет. Или с революционной массой против врага, или с врагом против Революции.

Гражданская война, которую мы давно предвидели, началась.

В ней две силы, два лагеря, две армии.

Кто за Революцию, — тот должен быть, как всегда, с революционным народом.

Кто не с ним, тот против него. Тот, силой вещей, против Революции.

Истинные революционеры должны и теперь, как всегда, идти рука об руку с революционными массами. Действовать с народом. Помогать народу. Творить в народе. Бороться в рядах народа...

И — если так надо и так суждено — умирать с народом!

"Декларация" и жизнь

1917, 4/17 ноября. «Голос Труда», № 14.

Мы напечатали вчера, в качестве документа, „Декларацию прав народов России“.

Бумажные памятники Второй Русской Революции растут, растут...

Историки будут, несомненно, с любопытством рыться в этих «останках» и посвятят им немало красивых и громких страниц.

Но — что скажет жизнь? Ибо, революция должна твориться не для истории...

Жизнь же скажет вот что: точка зрения необходимости единого централизованного государства в действительности несовместима с предоставлением истинной свободы национальностям. В решительную минуту — марксист-государственник (если только он остается таковым) никогда не решится на отпадение «входящей в состав государства» нации. Ибо, допущение распыления и размельчания государства явно противоречит идее необходимости государства в целях мощного хозяйственного и иного развития. Ибо, нельзя варить марксистское социалистическое снадобье в котле, рассыпающемся на отдельные черепки...

Только не-государственники (анархисты) могут действительно и смело идти до конца в вопросе о свободе национальностей. Ибо только они выдвигают, вместо принципа государственного объединения, принцип объединения людей на основе свободного союза организаций и общин, городов и деревень, вне государственных и национальных рамок.

Вывод: или Ленин и его товарищи должны открыто и прямо отказаться от государственнической точки зрения, — или «Декларация» рискует остаться лишним бумажным памятником в «Истории Великой Русской Революции». Воплотить в жизнь и государственное начало, и «Декларацию» — невозможно.

Новая власть

1917, 4/17 ноября. «Голос Труда», № 14.

Где начинается власть, там кончается революция.

Где начинается „организация власти“, там кончается организация революции.

Выражение „революционная власть* имеет ровно столько же смысла,, сколько выражения «горячий лед» или „холодный огонь“. То есть, не имеет никакого смысла.

Для одержания необходимой победы над буржуазией и для оказания решительного противодействия контр революционным силам в момент переворота, нет необходимости ни в политической партии, ни в политической организации масс, ни в дальнейшей организации власти. Наоборот: именно организация революции, то есть, объединение крестьян, рабочих, солдат, служащих и т.д. в неполитические, беспартийные, трудовые организации, с прямой целью дружного перенятия в свои руки производства, распределения, передвижения и всей, вообще, хозяйственной жизни, - именно такое свободное объединение, а не создание новой власти, может, проще всего и верней всего, подготовить, осуществить, в особенности же — укрепить и развить победу Революции.

Именно свободное, не „властное" объединение масс и свободное революционное творчество массовых организации может, с самого начала, легко и вполне обеспечить эту победу.

***

При политическом ходе вещей, по рецепту „организации власти“, мы увидим следующее; как только первая революционная победа восставшего народа (победа, добытая, благодаря все тому же партий но политическому пути, невероятно дорогой ценой) станет фактом, — наша „вторая революция" тотчас же остановится. Вместо необходимого (для упрочения и развития победы) дальнейшего самостоятельного революционного творчества масс всюду на местах, мы будем созерцать, отвратительный „торг власти" в центре, ненужную «организацию в центре и, наконец, нелепую „деятельность" этой новой власти этого нового «всероссийского» правительства.

Такой „торг", такая „организация" такое „правительство" уже намечаются. Блок социалистических партий, вероятно, поставит у власти коалиционное (сборное; социалистическое министерство — о, конечно, под контролем какого-нибудь „Совета"...

Советы и другие организации на местах — должны будут, разумеется, зависеть от центрального Совета и от Правительства; должны будут подчиняться центру, „признать" его... „Вся власть Советам" превратится, на деле, во власть партийных лидеров в центре.

Вместо свободного, естественного союза вольных деревень и городов, естественно и свободно налаживающих новую хозяйственную и общественную жизнь, мы увидим сильный государственный центр, „твердую революционную власть" — предписывающую, давящую, карающую...

Или будет так, или — власти не будет вовсе. Середины нет и быть не может. Фразы о „местной автономии", при наличии действующей государственной власти, всегда оставались, остаются и будут оставаться пустыми фразами на бумаге.

***

Выполняя свою "программу", идя по политическому пути, по пути "организации власти", - большевики уже вынуждены отступить и уступить. Попытное движение, неизбежное при политическом ходе революции, уже началось. С одной стороны, большевики уже начинают сами намекать на то, что дело идет еще не о социализме. С другой стороны, они уже, роковым образом, идут на сделку с "социалистами"- реформаторами. Прикидываясь наивными простачками, они пишут по поводу намечающегося блока ("Известия" от 1 ноября, № 213, передовая статья). "Это и есть то, что с самого начала проповедовали большевики, которые двано уже настаивали на том, что власть должна принадлежать революционной демократии, т.-е. Советам, а значит и партиям, входящим в состав этих Советов".

Мало-мальски разбирающиеся самостоятельно рабочие, — надо надеяться, — скоро поймут, что революционная демократия, т.-е. Советам, а значит и партиям" — отнюдь не одно и то же, и что, в этой обычной неразберихе по вопросу о власти, ясно одно: власть будет принадлежать фактически горсти политических лидеров, набранных из всех партий. Лидеры большевизма (имевшие, по крайней мере, смелость приложить к жизни свой политический лозунг) вырвали этот жар из жаровни „социалиста" Керенского. Лидеры других партий хотят получить чужими руками, — каждый для себя, — хоть по паре угольков... И получают! Получат... если, конечно, сия пресловутая „организация власти" не будет сорвана самими массами, организующими революцию.

***

Сумеет ли что-нибудь дать народу эта новая, налаживающаяся власть?

Несомненно, кой-что попытается дать, (Без этого, она не продержалась бы и месяца).

Но — забудьте, рабочие, о социальной революции, о социализме, об уничтожении капиталистической системы, о вашем полном раскрепощении, если вы собираетесь ждать всего этого от новой власти! Этого и новая (как никакая) власть вам не даст.

Вы хотите доказательств?

Не забывайте, во-первых, что сами большевики с опаской говорят о полной, социалистической революции. И не забывайте, во-вторых, что (за исключением примыкающих в этом вопросе к большевикам с.-р.- максималистов) все остальные социалистические партии, которые тоже будут у власти, громко или молчаливо признают эту революцию буржуазной.

Это значит, что на своем правом фланге социалистическая власть будет непосредственно сливаться с буржуазными слоями, растворяться в них отражать их, прислушиваться к ним, служить им.

Это значит, что все социалистические партии готовы будут всегда, — при первом же подходящем поводе, в первую же трудную минуту (то-есть, как раз тогда, когда она нужнее всего будут пролетариату в его борьбе), — готовы будут покинуть пролетариат и пойти на соглашение с буржуазией.

Это значит, что и большевики, мало-помалу, — от уступочки к уступочке, — неизбежно будут засосаны болотом сделок, соглашений, закулисной политики, осторожности и умеренности.

Эго значит, что от большевизма до капитализма — фронт, все-же, остается, по существу, „единым“, без перерывов... увы, таковы роковые законы политической борьбы...

***

Вы скажете, что будете протестовать, бороться, восставать и действовать самостоятельно на местах?

Прекрасно. Но будьте готовы к тому, что ваши выступления сочтутся "самочинными", "анархическими"; что "социалисты у власти" обрушатся на вас, под этим предлогом, со всею силою "социалистического" авторитета; и что те слои населения, которые будут удовлетворены новым правительством (которым оно „кое-что“ даст), а также все одержимые усталостью, злобой и ненавистью, — станут против вас.

При свержении самодержавия, с вами были почти все.

В борьбе с Керенским — вы были уже более одиноки.

Если же теперь вы дадите (и события позволят) новой власти окрепнуть; если вам предстоит, в будущем, начать борьбу с этой сильной властью, — вы будете горстью.

Вас раздавят беспощадно, как "безумцев", как "фанатиков", как "анархистов", как "разбойников"... И на ваших могилах не поставят даже памятника...

Две стороны

1917, 4/17 ноября. «Голос Труда», № 14.

Началась и развивается вглубь массовая, пролетарская Революция. Долг каждого сознательного рабочего, крестьянина и солдата, долг каждого честного революционера — стать за Революцию, участвовать в ней, помогать ей.

Это — одна сторона дела.

Революция грозит окончиться организацией в России новой, сильной государственной власти. Долг каждого сознательного рабочего, крестьянина и солдата, долг каждого честного революционера — относиться недоверчиво к новой власти, не давать ей „забрать силу“. Долг каждого — возбуждать самодеятельность и творчество масс на местах, помогать им в создании собственных, свободно и стройно объединяющихся между собою организаций. надо, чтобы новая жизнь России налаживалась в виде союза вольных городов и деревень, союза трудовых организаций.

Это — вторая сторона дела.

От тупика к тупику

1917, 6/19 ноября. «Голос Труда», № 15.

Вопрос о мире - давно находится в тупике, вывести из которого может лишь прямое действие народных масс против войны.

Вопрос о хозяйственном развале, о надвигающемся голоде, о полной остановке производства - все стремительнее несется к тупике же, вывести из которого могла бы только непосредственная самоорганизация и, далее, смелая энергичная созидательная работа трудящихся масс - крестьянских и городских - повсюду на местах.

Вопрос о власти — переходит от одного тупика к другому. И нет решительно никакой надежды на то, чтобы, идя по этому пути, Революция могла выйти на широкую дорогу.

Что попытка политической "диктатуры пролетариата", осуществляемой сверху, терпит крах, - это теперь ясно уже многим. Серьезный раскол среди самих большевиков - яркая тому иллюстрация.

Но, с другой стороны, ухватившиеся ныне за этот раскол и крах меньшевики и с.-р-ы не хотят видеть, что и их позиция "соглашения" — увы! — тоже ничто иное, как тупик Революции, только с „заднего" конца. Они находят (как и отколовшиеся от „диктаторов" соглашатели-большевики), что „единственным выходом из положение является создание правительства из всех советских партий".

Про такие „выходы из положения", какими все время занимаются господа социалисты (и большевики, и меньшевики), давно говорится: „нос вытащил—хвост увяз; хвост вытащил —нос увяз"...

С точки зрения меньшевиков и большевиков-соглашателей, быть может, предпочтительнее увязнуть „хвостом", чем „носом"?... Дело вкуса, конечно...

С точки же зрения истинной пролетарской (трудовой) революции — правительство из лидеров разных социалистических партий является, несомненно, огромным шагом назад. Такое правительство станет роковым образом (и весьма скоро) из сборно-социалистического — буржуазным по существу. Наконец, и оно, вне всяких сомнений, окажется бессильным разрешить бесконечно-сложные, тяжкие и жгучие вопросы момента и вывести страну из невыносимого положения, не жертвуя Революцией.

Итак: „диктатура" и „власть Советам" — Несутся к тупику. „Соглашение" — тоже тупик. Впереди — тупик. Позади — тупик. В прошлом — тупик. В будущем —тупик...

Когда же и как кончится эта "революция тупиков"?

***

Есть только одно средство вывести Революцию на истинную и прямую дорогу: отказаться вовсе от организации центральной политической власти и от захвата её партией или партиями. Приступить немедленно к помощи массам, — всюду на местах, — в деле энергичного объединения их в трудовые беспартийные организации. Помочь приведению этих организаций в стройное целое, связываемое, по городам и деревням, а затем — по районам и областям, при помощи Советов этих организаций (Советов не „властных“, а лишь создающих необходимую связь). Направить все эти организации на единственно-важную цель: перенятие ими „в свои руки“ производства, обмена, распределения, передвижения и пр. Начать таким образом, тотчас же налаживать хозяйственную жизнь. Тогда, сама собою, легко и естественно, начнет осуществляться „диктатура труда“. И вся страна сумеет примириться с нею...

В самом начале революции, — в первые ее месяцы, — вся эта задача была конечно, гораздо проще и легче выполняема. Но и теперь — такая возможность имеется. Другого пути нет. Всякий иной путь загоняет и неизбежно будет загонять Революцию в тупик.

„Новая Жизнь“, в передовой статье Н. Суханова (№ 173), пишет:

“ Развал большевистского „правительства“ на другой день после его образования диктовался всем ходом событий. Ничего другого нельзя было ожидать в результате большевистского "захвата-власти".

И „Новая Жизнь“ воображает, что переход этой власти к „правительству демократического блока“, что „диктатура демократии“ — спасут Революцию, выведут ее из тяжелого положения...

Бедные люди, обманываемые и обманывающие других политическим миражем! Мы можем сказать им их же словами: ничего другого нельзя ожидать в результате какого бы то ни было (а не только „большевистского“) „захвата власти“.

Всякая власть есть гибель Революции. Никакая власть не приведет Революцию к действительной цели. И не в лабиринтах политических комбинаций хранится тог ключ, которым будет открыта заветная дверь в храм победы!..

Организация революции

1917, 7/20 ноября. «Голос Труда», № 16.

Социалистические партии говорят:

Для того, чтобы организовать революцию, необходимо, прежде всего, захватить и организовать государственную власть. При её помощи, перейдет в руки государства и все хозяйство.

Анархисты говорят:

Для того, чтобы организовать революцию, надо, прежде всего, захватить и организовать хозяйство. Этим путем, и власть и государство (признаваемые самими социалистами лишь как «неизбежное и необходимое зло») отпадут.

Захватить хозяйство, это значит — овладеть земледелием и промышленностью. Это значит — взять в свои руки производство, распределение, обмен, передвижение, сообщение. Это значит перенять в свое ведение и распоряжение все средства и орудия труда и обмена: землю, копи и рудники; фабрики, заводы, мастерские, промыслы и другие предприятия; склады, магазины, банки, помещения; железные дороги, пароходства; почту, телеграф, телефон...

Для захвата власти — нужна политическая партия, фактически захватывающая эту власть в лице своих лидеров (вождей). Поэтому, социалисты призывают массы сорганизоваться в партию, для поддержки её в момент захвата власти.

Для захвата хозяйства, нет необходимости в политической партии. Нужны — всюду на местах — самостоятельные, трудовые, внепартийные массовые организации, приступающие к выполнению революционно - и организационно-хозяйственной задачи.

Поэтому, анархисты не организуют партии, а работают или непосредственно в массовых организациях, или на стороне, в группах и союзах идейной пропаганды.

***

Но, — спрашивают социалисты, — каким образом можно „захватить хозяйство" без предварительного захвата власти? Как организовать революцию без предварительной организации власти? (Анархисты задают обратный вопрос: каким образом можно захватить хозяйство путем захвата власти? Как организовать революцию путем организации власти?)

Социалисты (и не одни только они) выдвигают против анархистов ряд возражений, которые можно свести к следующим, основным:

1) Без захвата политической власти, народу не дадут захватить хозяйство. Иными словами: «экономика без политики не может обойтись».

2) Без организующего центра в организованном целом государстве нельзя: а) наладить крупное производство и обеспечить дальнейший рост производительных сил, без чего невозможен никакой прогресс вообще; б) привести в равновесие хозяйственную жизнь и поддерживать дальнейшую её гармонию, главным образом — в деле распределения и обмена.

3) Без власти, вообще, долго еще нельзя будет обойтись. Ибо, необходимы: общий контроль, гармонирование и регулирование из центра, поддержание единства, стройности, общей дисциплины, и т. д.

Прибавим, что и среди анархистов многие не представляют себе ясно, каким именно образом, практически, могут и должны трудящиеся массы организовать революцию без всякого намека на "организацию власти"? Далеко не все анархисты могут более или менее определенно ответить себе на вопрос, каким именно образом возможно организовать революцию без власти? Как приступить к делу? С чего начать? Как именно действовать?

Рассмотрение всех этих вопросов важно в двух отношениях: во-первых, для самих активных работников-анархистов, еще не совсем разобравшихся в этой области: во вторых, в целях дать этим активным работникам известный материал для их агитационной, пропагандистской и организационной работы на местах, среди малосознательных темных людей которые, прочитав анархическую книжку или послушав лекцию часто говорят, а еще чаще думают: „Оно, конечно, хорошо бы, если бы так... Что и толковать? Лучше не надо... А только, невозможно все это, вот что! Как это смогут люди устроиться без старших и безо всякого правительства? И как же это они все в свои руки отбирать будут? Кроме ссор да несогласий ничего из этого не выйдет. Все равно, придется, опять же правительство ставить "для порядка"... Таким людям надо уметь ясно, толково объяснить нашу точку зрения и как можно лучше доказать её справедливость.

В ряде статей, мы предполагаем самым подробным и тщательным образом разобраться во всех этих вопросах. Seriously подумать над ними обязанность каждого сознательного рабочего.

Слова и — действия

1917, 8/21 ноября. «Голос Труда», № 17.

Вчера появилось в газетах крайне характерное воззвание народного комиссара Ленина «К населению», — воззвание, мимо которого мы не можем пройти молча.

Особенно характерны в этом возвании три вещи:

1) Ленин прямо и окончательно заговорил в нем языком анархиста:

“ Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете ВСЕ ДЕЛА государства в СВОИ руки.

Слово "государства" - единственное, что может здесь резать наш слух.

“ "Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь", и т.д.

2) Призыв этот остается в возвании голой фразой, лишенной какого бы то ни было намека на реальное содержание. Нет ни малейшего указания на то, каким образом можно провести призыв этот в жизнь.

3) Кричащие противоречия в самом тексте призыва резко бросаются в глаза:

“ Во имя этих справедливых требований, громадное большинство народа **сплотилось вокруг Временного Рабочего и Крестьянского Правительства.** (*Жирный шрифт наш*).

“ Товарищи трудящиеся. Помните, что ВЫ САМИ теперь управляете государством.

“ ВАШИ Советы отныне — органы государственной власти, полномочные решающие органы. **Сплотитесь вокруг своих Советов.** (*Жирный шрифт наш*).

К то же теперь у нас — «полномочный, решающий орган власти»? "Временное рабочее и крестьянское Правительство" или — "Советы"?

Кто «управляет государством»? «Временное Правительство» или «Вы сами»?

Кому и вокруг чего сплачиваться? „Большинству народа вокруг этого „Временного Правительства", или — „трудящимся" вокруг „Советов"?

***

Давно известно, что сказать можно все. На словах легко, в нужную минуту, стать не только почти-, но даже сверх-анархистом.

Важно, чтобы действия соответствовали словам. Важно, чтобы дело не ограничивалось запоздалыми словами.

Действия же Ленина и его единомышленников резко расходились с его нынешними словами в прошлом, резко расходятся со словами и теперь.

Расходятся теперь, ибо фактически управляют государством не Советы.

Расходились в прошлом, ибо в том то вся и суть, что надо **вовремя** создать организации и силы, которые были бы способны "брать сами", "сплачиваться" и т. п. В том-то вся и беда, что эти организации и силы, которые ныне могли бы энергично действовать в жизни и на деле брать "все дела в свои руки", не были созданы вовремя.

Тогда, когда надо было отдавать всю энергию на эту подготовительную, организационную, творческую работу, дабы, в нужный час, трудящиеся могли не только на бумаге, но и на деле "взять в свои руки" строительство жизни, - тогда Ленин и его единомышленники отдавали свою энергию вопросам политики и власти.. Тогда, в этот самый важный подготовительный период, - они говорили не анархо-синдикалистским (как на каждом шагу теперь), а социал-демократическим языком...

Теперь - их анархические призывы рискуют остаться фразами, "звучащими гордо", но бессильными претвориться в жизнь.

Надо было **в свое время**, в прошлом, - в преддверии и в начале Революции, - говорить языком анархистов и - главное - **идти анархическим путем**. Тогда могла бы создаться реальная почва для живого претворения ныне, трудящимися массами, красивых слов в великие действия...

Война

1917, 8/21 ноября. «Голос Труда», № 17.

Два основных явления обуславливают собою ужасы переживаемой эпохи: 1) война и 2) вызванная ею хозяйственная разруха, уже приведшая нас к голоду.

Война и голод: голод и война - таковы те две оси, вокруг которых вращаются в настоящее время жизнь, чувства и мысли миллионов людей.

Война и голод мешают жить и работать. Война и голод висят страшным, удушливым кошмаром над всеми и каждым, над человечеством. Война и голод, главным образом, не дают революции выбиться из того тупика, в котором она, - сама Революция! - задыхается...

***

Изо дня в день, - в печати, в организациях, в государственных учреждениях, на митингах, лекциях и собраниях, - обсуждается вопрос о том, как скорее прекратить эту бессмысленнейшую бойню, как остановить войну. Предлагаются и выносятся всевозможны решения. Обсуждаются те или иные меры и способы... Русский народ делает героические усилия для того, чтобы стряхнуть, наконец, с человечества этот дикий кошмар...

Все напрасно!.. Разнузданная, обезумевшая стихия не хочет уняться. Чудовищная пляска смерти и разрушения не останавливается...

***

За последнее время, однако, у многих и многих назревает предчувствие, вернее — какое-то „физическое ощущение" близости конца. На каждом шагу высказывается мнение, что „теперь война скоро прекратится"...

Предчувствие это вызывается, главным образом, глубоким сознанием того, что всеобщее истощение, утомление и озлобление народов достигли крайней степени. Той самой степени, которая, — по мнению многих в июле 1914 года,—должна была неизбежно наступить через три-четыре месяца от начала войны и, во всяком случае, сделать это войну короткой, быстрой...

Большинство не отдает себе, конечно, ясного отчета в том, как именно война закончится, каким путем народы водворят мучительно желанный мир.

Существует по этому поводу одно мнение, которое, на наш взгляд, заслуживает внимания. Мы считаем небесполезным вкратце остановиться на нем.

***

Война равно надоела всем, — говорят некоторые люди: все воюющие народы истомлены, измучены, озлоблены до крайности. Ни одна армия, в существе дела, не хочет больше воевать. Каждый, безусловно каждый солдат на фронте, — русский, немец, француз, англичанин, — в глубине души ненавидит эту войну и с восторгом прекратит ее. Не достает лишь одного: почина с чьей-либо стороны.

Надо, чтобы которая-либо из армий решилась, наконец уйти, прекратить войну этим простым и естественным способом. Если одна армия бросит фронт и уйдет, — все другие армии немедленно сделают то же самое. Важно только, чтобы, уходя, армия, на всякий случай, оставила при себе оружие и уходила вооруженной и более или менее организованно.

Миссия такого почина, — добавляют эти люди, — возложена событиями на русскую армию. Стоит ей бросить фронт, — и все, без исключения, другие армии немедленно последуют её примеру. Раз и навсегда в истории война будет прекращена — как потому, что явно подчеркнется её полная бессмысленность, так и потому, что такая ликвидация войны неизбежно откроет в Европе эру социальной революции.

Два года тому назад, такая мысль показалась бы сумасшедшей. Теперь — ее можно услышать даже от иного „оборонца“.

И словно для того, чтобы подчеркнуть эту идею, слухи и факты говорят нам ежедневно о том, что наши солдаты не хотят больше воевать ни одного дня, и что, если последняя попытка к миру (или, по крайней мере, к перемирию) не даст полного результата, — солдаты сами уйдут по домам, и никакая сила их не удержит. Война кончится сама собой.

Мы склонны думать, что события очень близкого будущего могут самым действительным образом подтвердить это "фантастическое" предположение. И мы должны быть готовы к такому обороту вещей.

Голод

1917, 8/21 ноября. «Голос Труда», № 17.

Голод больше не надвигается: голод есть. Конечно, не среди богатых, которые, хоть и за крупные деньги, но могут достать абсолютно все... Нет!.. Голод пришел к нам, недостаточным классам, и занял почетное место за нашим столом.

Голод уже не стучится в наши двери: он здесь, с нами, наш гость и хозяин.

Наступает самое грозное для Революции время.

Необходимы немедленные, неуклонные определенные меры для борьбы с царем-голодом. Ибо за ним, по пятам, следует другой царь - царь-бунт: не светлый, святой бунт Революции, а черный, дикий, бессмысленный бунт разгрома...

Необходимо приступить к организованной борьбе с наступившим голодом. Необходимо:

- 1) немедленно создать организации для прочных, прямых сношений рабочего населения городов с деревней;
- 2) реквизировать, при помощи соответственных организаций, все продукты имеющиеся на складах, в магазинах и т. п. - с целью немедленного образования общественных продовольственных складов и равномерной выдачи продуктов населению по дешевой цене (или даже бесплатно);
- 3) немедленно приступить к восстановлению производства предметов житейского обихода и наладить обмен их на хлеб и другие деревенские продукты. И т. д. В двух словах, - немедленно приступить к деятельному и организованному *общественному производству, обмену и потреблению.*

Само собою разумеется, что, за одно с этой работой, необходимо немедленно *ликвидировать войну*, без чего самые решительные меры не приведут к полному результату.

Немедленное прекращение войны - первое необходимое дело масс. Немедленная и самая решительная организация масс для борьбы с голодом - вторая необходимая задача.

Быть-может, близок день, когда массы, окончательно выведенные из себя и не желающие более ничего и ни от кого ждать, - действительно сами приступят к решению обоих вопросов. И, будем надеяться, решат не словом, а живым, смелым и твердым делом.

... В тот день начнется Социальная Революция.

Последний этап

1917, 11/24 ноября. «Голос Труда», № 18.

То, что грозно и неумолимо надвигалось на нас в течение нескольких месяцев, — пришло.

Наступление зимних холодов совпадает с началом отчаянного положения в армии, подлинного голода внутри страны и массовой безработицы в городах.

Развал производства, обмена, передвижение, финансов; разложение всего хозяйства страны; невыносимо тяжелое положение миллионов людей — достигли крайней степени, дошло и до „последней черты“.

И вместе с тем, — мы подошли к последнему этапу Революции, к этапу, которым заканчивается революция политически-буржуазная и начинается новый, еще неведомый путь: путь революции истинно-народной, пролетарской, социальной.

Чтобы ни ждало нас на этом пути, — мы должны прямо, открыто и смело посмотреть в глаза действительности и твердо сказать себе: иного пути нет. Возвращение назад невозможно. Значит, — вперед, к новым далям, к новым возможностям!

Теперь — больше не время жалеть об ошибках и упущениях прошлого; не время унывать, колебаться, уставать, опускать руки...

Теперь — время действовать, и действовать самим, — всюду на местах, — через наши рабочие организации, ни на кого не надеясь и ни от кого ничего не ожидая.

Литераторы из „Новой Жизни“ могут, сколько угодно, воображать, будто буржуазия, будто буржуазные силы и организации в состоянии спасти „страну и революцию“... Они рискуют жестоко ошибиться, эти глубокомысленные литераторы!..

Нет теперь, вне самих масс, такой силы, которая могла бы творчески наладить жизнь и ввести ее в нормальное здоровое, созидательное русло. Никакое правительство, никакая „власть“, никакая партия, никакой диктатор и никакая буржуазная „твердая рука“ — не в состоянии больше „поднять“ жизнь. Ибо —слишком глубоко расшатана она. Слишком расплозились все ее „устои“. Слишком обезкровлена она...

Не будь мировой войны и связанной с нею великой разрухи за границей — наша буржуазия, наши Корниловы, Керенские и др. могли бы еще рассчитывать на энергичную, решительную поддержку — деньгами, товарами и солдатами — со стороны. Но, при нынешних условиях, западно-европейской буржуазии не до нас. При всем великом желании задушить нашу революцию и помочь в этом отношении нашей контрреволюции, заграничная буржуазия совершенно бессильна сделать это. Положение ее таково, что дай ей Боже справиться у

себя дома со всякими делами, бедами и затруднениями! Ведь и там за границей, — та же разруха, тот же голод, то же безденежье, то же отчаянное состояние масс, что у нас, хотя и в меньшей, сравнительно, степени.

Где же, однако, выход? Где творческие силы жизни и Революции? Где проложены грядущие пути созидания?

Есть только одна сила, способная найти этот выход и открыть эти пути: сила живой, организованной, самодеятельной массы. Только сам трудящийся народ,— и никто другой, — может теперь „поднять" жизнь...

Он призван создать новые формы ее. Он призван вдохнуть в нее новые силы. Он призван построить, на развалинах отжившего, новое великое здание... Если не он, если не сама трудовая масса, то — никто. Так говорит жизнь. Так повелевают события.

Но — сумеет ли он? Сможет ли он? действительно, "повернуть землю"? Есть ли у него "точка опоры" и необходимый "рычаг"?

Нам приходилось уже указывать на то, что нынешняя Революция таит в себе громадные объективные силы, на которые мы и возлагаем наши надежды.

Международное положение и связанный с ним всемирный развал нынешней хозяйственной системы, — развал, при котором нет, кроме самих масс иной творческой силы, которая была бы способна восстановить хозяйство и жизнь; дошедшее до „последней черты" разрушение современного строя и объективная невозможность восстановить его помимо самих трудящихся масс—такова „точка опоры" Великой Революции нашего века.

Твердая решимость; беззаветная творческая смелость; приникновенное сознание того что мы — масса — должны суметь, должны сделать, должны не останавливаясь ни перед чем. пойти по пути самостоятельного творчества, ибо нет другого пути, - таков „рычаг" Революции.

Смело, прямо, решительно действуя, не опасаясь ничего и мирясь с ошибками, которые неизбежны и которые ныне не могут ухудшить положение, — должны массы сами, через свои организации, приступить к новому хозяйственному и общественному строительству жизни.

Ибо — терять им нечего, жалеть им не о чем, а приобрести они могут вселенную...

Ново-Жизненский Анархо-Синдикализм

1917, 18/24 ноября. «Голос Труда», № 18.

Всякому, кто интересуется „текущими событиями" и следит за ними, достаточно известно, что большевики, за время революции подошли очень близко к анархо-синдикалистам в целом ряде вопросов. В газетах можно не раз встретить выражение „большевистский анархо-синдикализм". Под многим из того, что теперь говорится в „Правде", мы, — анархо-синдикалисты.— могли бы подписаться обоими руками...

От большевиков нас отделяет два главных пункта: первый — упрямее, — „рассудку вопреки, наперекор стихиям", — сохранение ими идеи политической государственной власти вместо естественного объединения трудовых организаций, городов и деревень; второй — упорное понимание ими того обстоятельства, что для успешности их нынешнего "курса на социальную революцию", им надо было и прежде стоять на другой позиции, и теперь (если еще не поздно) порвать решительно с явными заблуждениями. Если бы они всегда стояли на сегодняшней точке зрения, то они могли бы подготовить сознание масс в требуемом направлении; подготовить организационную работу масс в этом же направлении; словом, создать ту почву, на которой теперь массам было бы не только возможно, но и нетрудно приступить к осуществлению выдвигаемых жизнью революционно-созидательных задач.

Увы! Эта предварительная работа не была сделана. Слошком поздно и слишком нерешительно становятся теперь большевики на нашу точку зрения. И их (уже очень значительное) жизненное бессилие объясняется, более всего, тем, что они, в течение долгих лет, не только не готовили масс к разрешению нынешних задач, но вели всю свою боту в прямо-противоположном, бесконечно-вредном направлении.

***

„Новая Жизнь" неустанно, изо дня в день, грызет большевиков за их (увы! запоздалое) увлечение анархизмом.

Но — послушайте следующее:

“ Спасти родину от экономической смерти можно — если только это вообще возможно - исключительно путем автономной, ни от каких правительств не

зависящей работы учреждений... Продовольственные комитеты, особое совещание по топливу, комитеты по снабжению металлами, хлопком и другими сырыми продуктами, фабрично-заводские совещания, уже выработавшие кое где областные объединения, — все эти органы снабжения, в настоящее время или совершенно бастующие или почти не работающие, должны немедленно очнуться от своего паралича и самым энергичным образом приняться за дело спасения страны. Они должны координировать свои действия в общегосударственном масштабе, поставить текущую работу совершенно самостоятельно, действуя так, как будто бы в России никаких правительств не существовало.

Есть все основания думать, что при достаточной настойчивости и твердости, такой всероссийский союз органов снабжения мог бы наладить работу без особенной помехи со стороны правительств.

И еще:

“Если... хотят доказать заблуждающимся народным массам, что система управления народных комиссаров никуда не годится, то — „единственное разумное средство, ведущее к этой цели: забыть о существовании народных комиссаров и продолжать свою текущую работу“...

Так пишет В. Базаров в „Новой Жизни“.

Если внести в этот текст две три поправки; если оставить в стороне вполне понятный, под пером новожиэненского литератора, интерес к самодеятельности буржуазных учреждений и идею игнорирования власти буржуазными учреждениями; если поставить на место перечисляемых В. Базаровым капиталистических организаций и комитетов, рабочие организации, рабочие комитеты, то в приведенном отрывке мы нашли бы не только некоторые основные черты анархо-синдикализма, но и выявление анархо-синдикалистской позиции нынешнего дня.

Мы имеем здесь налицо: и отрицание надобности правительства (призыв к *„работе, не зависящей ни от каких правительств“*); приглашение *„действовать так, как будто бы в России никаких правительств не существовало“*); и признание реальной силы за действительными учреждениями, которые могли бы *„наладить работу без особенной помехи со стороны правительства“*; и предложение этим учреждениям *„забыть о существовании народных комиссаров“*, и замечание о том, что, быть может, все эти меры окажутся теперь запоздалыми, и многое другое...

Бедные партийные социалисты! Как ни упираются они и руками, и ногами, как отчаянно ни цепляются за свои старые догмы, а жизнь, живая жизнь гонит их, — и левых и правых, — к анархо-синдикализму, правда, искаженному, изуродованному, замаскированному, но, в отношении общей ориентировки и мысли, самому подлинному.

Большевики — анархо-синдикалисты "с властью" ново-жизненцы становятся анархо-синдикалистами „с буржуазией”.

Ибо, основное положение анархо-синдикализма в том и состоит, что для спасения страны, народа и Революции надо, чтобы различные „учреждения” (по нашему, трудовые организации) вели работу и борьбу, „ни от каких правительств независящую”; действовали так, *„как будто бы в России никаких правительств не существовало”; и чтобы эти учреждения „забыли о существовании народных комиссаров”...

***

Если мы говорим „анархо-синдикалистам” — большевикам: "Поздновато проснулись... Было бы вам раньше, вовремя, обо всем этом подумать... Теперь — рискуете остаться в области голых слов..." то „анархо-синдикалистам” ново-жизненцам мы можем сказать только одно: если бы нас, господа, перестало тянуть к буржуазии, то и вы, вероятно, становились бы теперь не „буржуазными”, а, понемножку да полегоньку "пролетарскими" анархо-синдикалистами... Увы, трудно вам, трудно „войти в царство небесное"... Что же касается вашего „анархо-синдикализма на-изнанку", то он, поистине — только „святая утопия" - и (не извольте сомневаться, т. Базаров!) — „вообще невозможен”...

Учредительное собрание

1917, 18 ноября / 1 декабря. «Голос Труда», № 19.

Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, все трудящиеся!

Идут выборы в Учредительное Собрание.

Оно, вероятно, скоро соберется и начнет заседать.

Все политические партии (в том числе большевики) передают дальнейшую судьбу Революции, страны и трудящегося люда в руки этого „полномочного* центрального органа.

Наш долг — предупредить вас, по этому поводу, относительно двух возможных опасностей.

Первая опасность — Большевики не окажутся, в Учредительном Собрании, в значительном большинстве (или даже вовсе не окажутся в большинстве).

В этом случае, Учредительное Собрание будет еще одним лишним политическим, коалиционным (сборным), буржуазно-социалистическим учреждением в стране; еще одной нелепой политической говорильней, вроде „Московского Государственного Совещания“, Петроградского „Демократического Совещания“, „Совета Республики“ и т. п. Оно погрязнет в спорах и пререканиях. Оно будет тормозить Революцию.

Эта опасность не чересчур уж важна только потому, что, в этом случае, массы, — надо надеяться, — сумеют снова, с оружием в руках, отстоять Революцию и двинуть ее вперед, по верной дороге.

По поводу этой опасности, мы должны, однако, сказать, что такая новая и лишняя передрыга совершенно не нужна трудящимся массам. Массы могут и должны были бы обойтись без нее. Вместо того, чтобы тратить огромные средства и силы на организацию нелепого учреждения (а трудовая революция, пока-что, опять останавливается!..); вместо того, чтобы отдавать, впереди, снова силы и кровь на борьбу с этим нелепым и ненужным учреждением, опять „спасая Революцию“ и сдвигая ее с новой мертвой точки, — вместо всего этого, те же силы и средства могли бы быть затрачены, с великой и ясной пользой для Революции, страны и народа, на прямую организацию трудящихся масс на низах, по деревням, городам, предприятиям, копам, рудникам и т. д.; на естественное, свободное, прямое и непосредственное, трудовое, а не партийно-политическое объединение этих организаций снизу, в вольные города и вольные деревни, в вольные общины (коммуны), по местностям, районам и областям; на энергичную деятельность этих организаций по снабжению сырьем и топливом, по улучшению перевоза (транспорта), по налаживанию обмена и всего нового хозяйства; на прямую борьбу с остатками контрреволюции (главным образом, с сильно мешающим делу Калединским движением на юге).

Вторая опасность — Большевики окажутся, в Учредительном Собрании, в значительном большинстве.

В этом случае, они, легко справившись с «оппозицией» и без особого труда раздавив ее, станут твердо и прочно хозяевами („законными" хозяевами!) страны и положения, явно признанными „большинством населения“. Это, как-раз, и есть то, чего добиваются большевики от Учредительного Собрания и для чего оно им необходимо. Оно должно окончательно укрепить и „узаконить" их политическую власть в стране.

Эта опасность, товарищи, гораздо более важна и серьезна, чем первая.

Будьте на чеку!

Укрепив, упрочив и узаконив свою власть, большевики, будучи социал-демократами, политиками и государственниками, то есть людьми власти, начнут из центра, — властным, повелевающим образом, — устраивать жизнь страны и народа. Они будут приказывать и распоряжаться из Петрограда по всей России. Ваши Советы и другие организации на местах должны будут, понемногу, стать простыми исполнительными органами воли центрального правительства. Вместо естественной трудовой стройки и свободного обвинения снизу, будет водворяться властный, политический, государственный аппарат, который сверху начнет все зажимать в свой железный кулак. Места, Советы, организации —должны будут слушаться и повиноваться. Это будет называться „дисциплиной". И — горе тому, кто не будет согласен с центральной властью и не сочтет нужным и полезным подчиняться ей. Сильная „всеобщим признанием населения", она заставит его повиноваться.

Будьте на-чеку, товарищи! Замечайте хорошенько и запоминайте крепко.

Чем прочнее и вернее будут успехи большевиков, чем тверже будет становиться их положение, — тем яснее и определеннее будут они властвовать, то-есть проводить, осуществлять и отстаивать свою твердую, политическую, центральную государственную власть. Они начнут категорически приказывать местам, местным организациям и советам. Они начнут, не останавливаясь, —быть-может — и перед применением вооруженной силы, проводить сверху желательную им политику.

Чем более ярким и прочным будет их успех, — тем более ясной будет становиться эта опасность: ибо, тем увереннее и тверже будут они действовать. Каждый новый успех будет (вы увидите это!) все сильнее и сильнее кружить им головы. Каждый новый день их успеха будет приближать истинную Революцию к опасности. Наростание их успеха будет наростанием этой опасности.

Вы можете видеть это уже теперь.

Присмотритесь внимательно к последним приказам и распоряжениям новой власти.

Вы заметите, уже теперь, ясно прорывающееся стремление большевистских верхов к властно-политическому устройению жизни из центра. Уже теперь отдаются ими „приказы" по России. Уже теперь ясно видна у них склонность понимать лозунг „власть Советам", как

власть центрального учреждения в Петрограде, которому должны быть подчинены, в качестве простых исполнительных органов, Советы и организации на местах.

Это — теперь, когда они еще сильно чувствуют свою зависимость от масс и, конечно, опасаются дать повод к разочарованию. Теперь, когда успех их еще не совсем обеспечен и держится целиком на отношении к ним масс...

Что же будет тогда, когда их полный успех станет твердым фактом и массы окружают их восторженным и прочным доверием!..

Товарищи — рабочие, крестьяне и солдаты!

Помните всегда об этой опасности.

Будьте готовы к тому, чтобы отстаивать истинную Революцию и действительную свободу ваших организаций и вашей жизни на местах от гнета и насилия новой политической власти, нового хозяина—централизованного государства, новых злостителей — вожаков политической партии.

Будьте готовы к тому, чтобы, — в случае, если успехи большевиков вскружат им головы и сделают их властителями, эти их успехи стали их гибелью.

Будьте готовы к тому, чтобы вырвать Революцию из новой тюрьмы!..

Помните, что только вы с нами, — при посредстве ваших свободных организаций на местах, — должны и сможете творить и строить вашу новую жизнь. Иначе вам не видать ее!..

Большевики часто говорят вам тоже самое.

Тем лучше, конечно, если они, в конце концов, исполнят свои слова. Но, товарищи, все новые властители, положение которых зависит от сочувствия и доверия масс, говорят в начале сладким языком. И Керенский „стлал мягко" в первые дни; да после стало „жестко спать".

Присматривайтесь, прислушивайтесь не к словам и речам, а к делам и поступкам. И если найдете малейшее противоречие, между тем, что люди, говорят вам, и тем, что они делают, — будьте настороже...

Не доверяйте словам!

Верьте только делам и фактам.

Не доверяйте Учредительному Собранию, партиям и вождям...

Верьте только самим себе и Революции.

Только вы сами, — то-есть ваши непосредственные, трудовые, беспартийные организации на местах и их прямое, стройное объединение по местам, районам и областям, — должны быть хозяевами и строителями новой жизни, а не Учредительное Собрание, не центральное правительство, не партии и "вожди".

Как быть?

1917, 18 ноября / 1 декабря. «Голос Труда», № 19.

Положение рабочих масс ухудшается со дня на день.

Голод увеличивается. Квартирный вопрос, с наступлением холодов, обостряется. Громадное количество фабрик и заводов должны вот-вот закрыться. Хозяйство страны разрушено в конец.

С одной стороны, „рабоче крестьянское" Правительство надеется, все же, справиться с затруднениями. При этом, оно обращается за содействием к массам.

Но, только в одном вопросе это Правительство (следует отдать ему справедливость) само действует решительно, энергично и смело: в вопросе о мире. Здесь оно действительно помогает массам.

В других вопросах, оно идет ощупью, крайне робко, неуверенно и осторожно. Даже на бумаге, — в своих "декретах" и "проектах декретов", — оно, со дня на день, становится все умереннее и умереннее. Что же касается непосредственной жизни, то вмешательства в нее чего-либо нового, решительного и смелого — почти незаметно.

К тому же, впереди, — чем дальше, тем больше, — Учредительное Собрание и связанная с ним политическая деятельность будут отвлекать внимание и силы правительства от вопросов непосредственной жизни.

С другой стороны, рабочим говорят со всех сторон: „не ждите", „не надейтесь ни на кого"; „действуйте сами"...

Рабочие и хотели бы действовать сами. Но — как? Вот в чем вопрос.

***

Создается странное, трагикомическое положение.

Наверху — облеченное властью и имеющее силу для ее проявления „рабоче-крестьянское правительство". Казалось бы, оно должно приступить к живому революционному творчеству, к живому содействию массам в жизни, на деле... Массы ждут от него ответа на этот вопрос: «как?». Увы, оно издает декреты о том, что должно быть (и это что гораздо ниже потребностей и нужд масс); а на самый острый вопрос, "как?" — отвечает: Учредительное Собрание. Оно отличается от прежних правительств только тем, что пишет о том, что необходимо (прежнее правительство и этого не делало). Но оно так же, как и

прежние правительства, бессильно, вяло и нерешительно в вопросе о мерах к достижению этого необходимого.

Внизу — все остается по старому.

Массы голодают, — зато спекуляция, нажива и возмутительная торговля „из-под полы“ продолжается.

Массы нуждаются, — зато магазины (даже снаружи) переполнены и одеждой, и мясом, и овощами, и фруктами, и консервами... И нет сомнения в том, что в городе имеются в изрядном количестве все предметы первой и второй необходимости.

Массы бедны, — зато банки богаты.

Массы лишены сколько-нибудь сносного жилья, — зато дома принадлежат домохозяевам.

Массы выбрасываются на улицу, благодаря закрытию фабрик, — а „взять“ брошенную фабрику „в свои руки“ нет возможности, ибо нет сырья, топлива и оборотных средств.

Деревне нужны продукты города. Городу нужны продукты деревни. Но — положение таково, что обмен почти невозможно наладить.

Заколдованный круг, из которого выход— Учредительное Собрание?!.. Какой вздор!

***

Так где же выход? Как быть?..

Все политические партии повинны в том, что не взялись во время за революционное творчество снизу, не подготовили масс, с первых же дней переворота — к истинным задачам революции, а занимались игрой в политику и вопросом власти.

Все политические партии повинны в том, что загнали революцию в тупик.

Одна из этих партий в значительной мере искупила свою вину тем, что сама же и выбила революцию из тупика. Я говорю о большевиках. В этом — их первое оправдание. Второе их оправдание — решительная, пока-что, политика мира.

Но, сделанного еще недостаточно.

Во всех остальных отношениях, правительство большевиков тоже нерешительно, половинчато, робко и бессильно.

А стало-быть, если рабочие массы Петрограда хотят решительно двинуть вперед и другие вопросы, — они должны: 1) действовать самостоятельно смело; и 2) раз правительство есть и берется выполнять их волю, они должны энергично, изо дня в день, путем печати и

прямых обращений, давить на это правительство и требовать от него решительных мер.

Ведь оно же ваше, это правительство! Оно же для вас, рабочие, крестьяне и солдаты!.. Кто может мешать ему и вам?.. И зачем же продолжать терпеть явную несправедливость, нелепицу и нужду?..

***

Каковы, однако, те меры, которые должны и самими массами проводиться, и правительством, в первую очередь, поощряться и облегчаться?

1) Немедленно приступить к практической разработке плана общественной, планомерной, организованной конфискации всех имеющихся в городе продуктов первой и второй необходимости. Организация общественных продовольственных складов. Организация общественных столовых. Разработка действительных мер борьбы со спекуляцией, контрабандой и пр.

К этим задачам должны быть привлечены соответствующие задаче организации.—
Требовать содействия правительства.

2) Вместо робкого „проекта декрета" об облегчении платы за квартиру, — немедленно приступить к организации, — на почве существующих домовых комитетов, — комитетов улиц, кварталов, районов и пр., в целях немедленного и непосредственного перенятия в общественное ведение домов, жилищ и квартир, — Требовать содействия правительства.

3) Фабрики и заводы, владельцы которых „вешают замок" и уезжают, — тем самым естественно переходят в ведение самих рабочих данной фабрики или завода. Немедленно переводить такой завод на производство предметов мирного времени. Одновременно — налаживать сношения с окружающими деревнями, в целях обмена. — Требовать содействия правительства в деле добывания оборотных средств, топлива и сырья. (Подробнее об этом пункте — в следующий раз).

4) Немедленная организация всякого рода необходимых работ по городу, по транспорту и пр.

Таковы, в кратких — пока — словах, те главные меры, разработка и решительное, неуклонное, последовательное проведение которых в жизнь, вместо комедии Учредительного Собрания, не должно откладываться ни на один день.

Рабочие должны поставить перед собой, твердо и решительно, эти задачи.

Рабочие должны, на своих общих собраниях и во всех своих организациях, разрабатывать эти вопросы.

Рабочие должны требовать от Правительства внимания к этим вопросам и содействия этим задачам.

Об этих задачах (а не о власти!) должны кричать, изо дня в день, рабочие резолюции, рабочая печать, рабочие митинги и собрания, рабочие глотки!..

Ибо эти задачи, нужды, потребности и вопросы — единственно важны и интересны для трудящихся масс в данный момент. От их решения зависит судьба Революции.

Сплетни и факты (Правда о синдикалистах)

1917, 18 ноября / 1 декабря. «Голос Труда», № 19.

Социал-демократы и некоторые другие наши противники пробегают иногда на митингах и в печати, — к очень некрасивому, нечестному и неумному приему борьбы с нами! Пользуясь неосведомленностью слушателей или читателей, они, — с целью посрамить и уничтожить анархо-синдикалистов, искажают одни факты, умалчивают от других, лгут о третьих...

Между прочим, из уст социал-демократов и других противников анархо-синдикализма мне зачастую приходится слышать следующие категорические заявления: „Синдикализм во Франции с треском провалился. Синдикализм потерпел полный крах. — Синдикалисты все изменили и оказались „патриотами“. — Синдикализм сам похоронил себя, превратившись в „синдикал-патриотизм“.—Синдикалисты очутились в лагере националистов и оборонцев — Синдикалисты за время войны, ни разу не отмежевались от националистов: они объединились с буржуазией... Вот куда ведет синдикализм...“, и т. д., и т. д. При этом неизменно упоминаются, конечно, имена Жуо (секретаря Всеоб. Конф. Тоуда) и еще двух-трех, действительно изменивших, деятелей французского синдикализма. Перечисляются и некоторые синдикальные организации, ставшие на оборонческую точку зрения. И, — вероятно, „по недосмотру“ забываются имена не изменивших интернационализму деятелей и организаций.

***

Мы, как известно, — не французские (так называемые „чистые“) „синдикалисты“. Мы — анархо-синдикалисты (что далеко не одно и то же). Я отнюдь не собираюсь, поэтому выступать пространно в защиту французского синдикализма и давать подробные разъяснения относительно того как, кто и почему в лагере франц. синдикалистов стал на патриотическую, националистскую и оборонческую точку зрения. Я не буду много говорить о том, что во Франции, в силу особых условий, о которых можно было бы сказать очень многое, все течения и почти все организации „дрогнули“ и потеряли равновесие в первые месяцы войны: дрогнула и отступила социал-демократическая партия; дрогнули синдикальные организации; дрогнули даже очень и очень многие из французских анархистов. Я не стану входить в подробное обсуждение причин и характерных особенностей этого печального и почти всеобщего во Франции явления.

Но, как человек, проживший в Париже первые 2 года войны и принимавший близкое участие в борьбе французских интернационалистов против националистического угара; как человек, проехавший, осенью 1916 г., по французской провинции и близко стоявший к синдикалистскому движению — я должен привести здесь, кратко и сухо, несколько голых фактов и цифр. Пусть читатель сам подумает над ними и оценит по достоинству те нечестные, демагогические выпады, которые часто делаются против нас на почве отношения французских синдикалистов к войне.

***

Как я уже сказал, в начале войны — во Франции дрогнули, заколебались отступили и притихли все течения и почти все организации. Первые месяцы войны протекли в невыносимо тяжелой, удушливой атмосфере бесшабашного, наглого военно-патриотического разгула, с одной стороны, — всеобщего гробового молчания, всеобщей пришибленности, массовой измены, лжи и растерянности, с другой. Это была, по истине, „мерзость запустения...“ Среди бешеного, бесстыдного, отвратительного завывания патриотической печати и улицы, не было слышно ни одного голоса правды, отрезвления и революционной бодрости. Расстроенные рабочие ряды, разбитые войной и реакцией организации, придушенная революционная печать — все, все замерло, сжалось и молчало, как бы внезапно скованное беспробудным сном. Вся рабочая и революционная Франция превратилась в пустыню...

Кто же первый осмелился нарушить молчание? Кто первый отрезвился от кошмара и ужаса осенних месяцев? Из чьих рядов прозвучал первый громкий голос интернационализма, первый мужественный призыв к борьбе с войной, с патриотическим угаром, с вакханалией национализма, взаимоистребления и отступничества?

Этот голос — открытый и ясный — раздался из синдикалистских рядов.

В декабре 1914 года, — в то время, когда все кругом молчало, погрязнув в болоте патриотизма или малодушия, — во Франции распространено было, в громадном количестве экземпляров, открытое письмо известного синдикалиста Пьера Монатт, делегата во Всеобщ. Конф. Груда от департаментов (губерний) Гард и Роны. В своем письме, Монатт смело и резко восставал против националистского угара, отравившего большинство организаций и людей. Он открыто порывал с патриотствующими элементами и публично слагал с себя обязанности делегата.

Правительство «свободной» Франции ответило тем, что призвало Монатта в армию. Но, письмо его произвело в рабочей среде и в организациях огромное впечатление; оно разрядило атмосферу. Необходимый почин был сделан. Выступление Монатта послужило тем камнем, который будучи брошен, всколыхнул застоявшееся болото. Люди зашевелились. Началось „движение воды“. Круги от брошенного камня пошли во все стороны, все шире и шире...

Первыми откликнулись активно на выступление Монатта, опять-таки, синдикалистские ряды, в лице некоторых крупнейших организаций.

Уже из текста письма Монатта видно, что „федерация металлистов" (одна из крупнейших и важнейших) стояла целиком на его стороне.

После его выступления, федерация металлистов, федерация землекопов (тоже одна из крупнейших), федерация бочаров и некоторые другие, менее крупные организации приступили к энергичной интернационалистской работе. Секретарь федерации металлистов, известный Мерейм, стал душой этого движения. Рука об руку с секретарем Федерации бочаров, Бурдероном, и с целым рядом других синдикалистов, повел он решительную пропаганду, борьбу и организационную работу против войны. Любопытно отметить, что Бурдерон, будучи членом синдиката бочаров, состоял одновременно и членом с. д. партии, (это довольно часто бывает во Франции). Но, свою интернационалистскую деятельность он повел в рядах синдикалистов, так как партия была мертва, и там не с кем было работать.

К концу первого года войны — имеются уже налицо результаты работы. Появляются яркие признаки начавшегося повсюду пробуждения и отрезвления. Начинается массовое интернационалистское движение. И сказывается оно тоже, прежде всего, в синдикалистских организациях.

15-го августа 1915 г., в Париже созывается синдикалистская „Национальная Конференция корпоративных федераций Союзов, Синдикатов И Бирж Труда". (Это была первая публичная конференция во Франции, со времени войны. Правительство не решилось запретить ее, опасаясь скандала).

На конференции, из числа 114-ти решающих голосов, 30 стоят на интернационалистской позиции.

После Конференции, брожение перебрасывается в с.-д. партию и в анархические группы (из которых тоже далеко не все стояли на точке зрения интернационализма).

В это же время, начинается усиленная подготовка к 1-й Циммервальдской Конференции, причем, в первых рядах работников по организации Конференции стоят синдикалисты: Мерейм, Бурдерон, Гасфельд (анархо-синдикалист) и мн. др.

Синдикалисты же, главным образом, приступают в Париже, после Циммервальдской конференции, к энергичной организации так называемого „Комитета интернационального действия", задачами которого были: организационное объединение интернационалистского движения во Франции и усиленная пропаганда идей интернационализма.

Сорганизовавшись, „Комитет" широко распространил печатное воззвание, с призывом вступать в него и бороться, в его рядах, против окружающего ужаса. Он образовался на началах беспартийного объединения всех интернационалистов. Призыв встретил сочувствие и отклик. Впоследствии, в состав Комитета входило: 60% синдикалистов, 30% социалистов и 10% анархистов.

„Комитет" выделил из своей среды исполнительную комиссию из 12 человек и быстро развил, — не только в самом Париже, но и по стране, — энергичную пропагандистскую и организационную деятельность против войны, против милитаризма, национализма и патриотизма, за мир, Революцию и Интернационал.

Правительство не решалось тронуть „Комитет": оно не желало лишнего шума и разговоров. Оно ограничивалось "наблюдением" и тем, что всячески старалось расстроить связи „Комитета" с провинцией, старалось изолировать „Комитет". (Арестовывало работников в провинции, закрывало провинциальные отделы „Комитета", заставляло фабрикантов рассчитывать членов „К-та" с заводов и т. п.). Таким образом, „Комитет", как сорганизовался, так и существовал и работал явочным, полулегальным порядком. (Не раз, в Париже ходили слухи, будто Правительство решило разогнать „Комитет". Буржуазная и лжесоциалистическая, оборонческая печать неоднократно, с пеной у рта, требовала „решительных мер" и упрекала правительство в слабости).

Секретарем и деятельнейшим членом „Комитета" был секретарь федерации металлистов, уже упомянутый мною синдикалист Мерейм. Целый ряд деятелей-синдикалистов вели в „Комитете" активную, ответственную работу.

Орган Федерации Металлистов (синдикалистский „Союз Металлистов") стал официальным органом „Комитета". Причем, каждый номер этого журнала выпускался в нескольких первых тысячах экземпляров (минуя военный закон) без предварительной цензуры. (Правительство и на это смотрело сквозь пальцы). Эти первые тысячи рассылались, главным образом, по организациям.

За первые же месяцы своего существования, „Комитет" развил энергичную пропагандистскую деятельность. Им издан был целый ряд интернационалистских брошюр, листовок, воззваний, документов и пр., широко расходившихся по стране.

В провинциальных синдикалистских организациях „Комитет" организовывал, по мере возможности, свои отделы.

Впоследствии, и в Париже, и в провинции стали издаваться ежедневные и еженедельные органы синдикалистов-интернационалистов.

Отмечу здесь же, что общий дух, общий „уклон" работы „Комитета" был именно синдикалистским. Состоя членом „Комитета" я несколько раз был свидетелем того, как вопросы решались в чисто синдикалистском смысле. Не один раз также „Комитет" энергично отвергал всякую попытку направить его работу в русло парламентаризма, или внести в него дух партийности.

***

Осенью 1916 г., по постановлению министра внутр. дел (г. Мальви), я должен был быть арестован и заключен, впредь до окончания „освободительной" войны, в „лагерь", за мою

анархическую, революционную и антимилитаристскую деятельность. Я скрылся из Парижа и, после двух месяцев невероятных мытарств, бежал в Америку. Я продолжал однако, внимательно следить за ростом интернационалистского течения среди французских синдикалистов. Из отчетов последующих конференций, из газет и других печатных материалов я видел, что течение это неуклонно крепнет, нарастает, развивается, несмотря на всевозможные гонения и репрессии.

Из напечатанной недавно (в „Правде“, под заглавием „Синдикализм во Франции“) статьи Анри Гильбо видно, что, за последнее время, точка зрения классовой интернационалистской борьбы усвоена уже громадным большинством синдикалистских организаций и деятелей.

Гильбо заканчивает свою статью (снабженную точными цифровыми данными) очень характерным признанием:

“ Война — говорит он, — не положила конец разладу между синдикализмом и социализмом. И лишь путем сконструирования (образования), социалистической партии, стоящей на циммервальдской позиции, признающей основным принципом классовую борьбу при всяких условиях и обстоятельствах, — с последовательно-революционной программой, — лишь таким путем возможно устранение антагонизма (вражды) между синдикализмом и социализмом.

(Разбивка моя. В. О.).

Уже из этих слов совершенно ясно, что, в деле классовой, революционной и интернационалистской борьбы, социализм во Франции далеко отстал от синдикализма.

Если же мы обратимся к протоколам социалистических (партийных) конференций, то документы и цифры скажут нам следующее.

Во-первых, франц. социалист, партия (с.-д.) лишь с большим трудом, с большой неохотой „ раскачалась“ и приступила к устройству своих конференций (и то— под энергичным давлением низов). Так, первая партийная конференция с.-д. имела место в Париже лишь накануне 18-го месяца войны (25-го дек. 1915 г.), то есть, в то время, когда в синдикалистских рядах вопрос об интернационализме был уже давно поставлен ребром, и борьба двух течений — оборонческого и интернационалистского — развертывалась широко и ясно.

Во вторых, на партийных конференциях (и в рядах социалист, партии вообще) — интернационалистское и революционно-классовое течение бывало каждый раз представлено столь ничтожным количеством голосов и выражалось так робко, что о нем не стоило бы даже упоминать.

Французская социал-демократия находилась, за все время войны, в состоянии полного паралича. Она влачила самое жалкое существование, плетясь на задворках рабочего движения и играя самую несчастную роль в борьбе за интернационализм. Она,

действительно, не выдвинула в этой борьбе почти ни одного имени, почти ни одного решительного, последовательного, сильного деятеля... К сказанному необходимо добавить, что, в то время, как в синдикалистских рядах идея интернационализма:, борьба и число борцов непрерывно нарастали, — в рядах социалистической партии не было, в этом отношении, ни малейшего движения вперед. Конгресс за конгрессом обнаруживали лишь полное убожество духа, мысли и сил партии, которая, вплоть до последних дней, так и оставалась в хвосте движения.

Вот почему, когда наши отечественные партийные деятели, будучи полными невеждами в области французского рабочего движения, или же сознательно обманывая людей, с великим апломбом и не без доли простого нахальства, заявляют, в печати и с трибуны, что-де „французский синдикализм обанкротился“, то им следует ответить русской поговоркой: „Чья бы коровушка мычала...“

Упомяну еще и о том, что, в силу целого ряда условий, французские анархисты тоже не смогли сколько-нибудь заметно возвысить свой голос, пока этого не сделали синдикалисты. Синдикалисты и анархо-синдикалисты помогли, в этом отношении, анархическим группам. Сомнения, колебания и бессилие тех анархических групп во Франции, которые, будучи замкнуты в самих себе, оставались оторванными от низов, от живых народных масс и от массовых организаций, — эти сомнения, колебания и это бессилие кончились только после того, как синдикалистские организации подняли свой громкий голос. Интернационализм в синдикалистских рядах дал решительный толчок анархическим группам и побудил их к (тоже весьма запоздалым и, вначале, очень робким) заявлениям и выступлениям в печати.

Если нам постоянно кричат о Жуо и еще о двух-трех, изменивших классовую борьбу и интернационализму, синдикалистах, то мы можем, в ответ, назвать имена Мерейма, Бурдерона, Гасфельда, Ифго, Перика, Брутшу и еще доброго десятка других, оставшихся верными своему знамени, видных французских синдикалистов и анархо синдикалистов.

И если невежды или лжецы заявляют нам, что во Франции *„синдикализм обанкротился, ни разу не отмежевал себя от национализма, объединился с буржуазией, оказался синдикал-патриотизмом“*, и пр., и пр., — то мы, с полным сознанием неоспоримости нашего утверждения, говорим: единственной крупной и яркой интернационалистской силой во Франции, — силой, которая, в годину войны и массового отступничества, выдвинула, отстояла и укрепила там идею интернационализма, вынесла на своих плечах интернационалистскую борьбу и, по выражению одного из французских общественных деятелей, *„спасла во Франции социализм“*, — единственной такой силой оказался во Франции синдикализм.

***

Моя статья хотя и чересчур затянулась, но она была бы неполной, если бы, в заключение, я не остановился еще на двух фактах.

Во время моих двухмесячных скитаний по французской провинции, осенью 1916 г., в качестве нелегального, скрывающегося беглеца, в цепях организации очень трудного, в то время, для анархиста побега в Америку (анархистам других стран легальный въезд в Америку закрыт) — я близко соприкасался со множеством синдикалистов: они скрывали меня; давали мне приют и стол; помогли, наконец, моему побегу... И я имел случай убедиться своими глазами в том, что провинциальные синдикалистские организации были пропитаны духом интернационализма: синдикаты металлистов, техников-строителей, моряков торгового флота и др. имели уже тогда в своих рядах значительное количество интернационалистов.

Анри Гильбо как нельзя лучше подтверждает это и разрушает „сплетни" о французских синдикалистах, когда сообщает в своей статье, что, при последней анкете, из 3208 синдикалистских голосов, принцип классовой борьбы был признан 3189 голосами; только 19 требовали смягчения классовой борьбы, и ни один голос не был подан за сотрудничество классов.

Вот как французские синдикалисты „объединились с буржуазией" и „изменили борьбе“!..

Второй факт, о котором я считаю необходимым упомянуть, состоит в том что — как это было сообщено недавно газетами, — синдикалисты в Америке (там они называются „индустриалистами") не только все как один человек, повели самую решительную борьбу против войны и за интернационализм, но и жестоко поплатились в этой борьбе. Синдикалистское движение, в данный момент, совершенно задушено „демократическим" правительством "свободной Америки". Большое число индустриалистов арестовано. Многие убиты и искалечены при самосудах и стычках с полицией. Организации разгромлены и закрыты. Печать запрещена. Устные выступления тоже...

Я скажу чтобы закончить: искажение и ложь со стороны многих наших противников по отношению к синдикалистам и синдикализму — налицо. Не думает ли читатель, что необходимость прибегать, в борьбе с нами, к столь жалкому оружию — невольно заставляет предполагать отсутствие у этих противников другого, более сильного оружия и очень плохо рекомендует защищаемую им и «истину»?

Предостережение

1917, 25 ноября / 18 декабря. «Голос Труда», № 20.

То, о чем мне хочется побеседовать сегодня, может многим показаться большой ересью.

Помню, как, пять слишком месяцев тому назад, по пути из-за границы, мы с товарищами жадно набрасывались на русские газеты, стремясь, на основании отрывочных газетных сведений, разобраться в сложной обстановке событий... Помню, как, уже в Сибири, один из товарищей на основании этих сведений, высказал предположение, что наша революция шла на убыль"... Помню, что для того момента — такая мысль показалась мне глубоко ошибочной, и я посмеялся над несколько скороспелым пессимизмом товарища. Последующие события показали, что он, действительно, был не прав.

Не то — теперь. И я вспоминаю здесь обо всем этом для того, чтобы теперь же сказать товарищам, работающим в массах, на местах: будьте деятельны! Будьте наготове сами, и готовьте других. Ибо ныне Революция может пойти на убыль.

О, я отнюдь не хочу категорически утверждать это. Товарищам достаточно известен мой оптимистический взгляд на нашу революцию. Они хорошо знают, что я нахожу в ней громадные, глубоко затаенные силы и возможности, обеспечивающие ее конечную победу. Я не один останавливался на этих "шансах революции" и в лекциях, и в статьях. И я отнюдь не хочу утверждать, что отныне революции грозит уже неизбежная гибель.

Но — всякая революция есть, прежде всего, борьба враждебных друг другу общественных сил. Исход борьбы зависит, в каждый данный момент, от наличного соотношения этих сил.

И я хочу только предупредить, что — по моему глубокому убеждению — нам предстоит, в ближайшем будущем, новая борьба, в которой это отношение сил может стать иным, чем то, которое имело до сих пор. Я хочу сказать, что в дальнейшем, — поворот революции назад более возможен, чем это было раньше. Я хочу предостеречь товарищей и лишней раз направить их внимание на ту немедленно необходимую деятельность, которая единственно способна укрепить для предстоящей борьбы, позиции и силы Революции.

Именно в настоящий момент, когда политическая революция дошла до своего кульминационного пункта, до своей последней черты, — именно теперь революции грозит величайшая опасность, на которую мы должны открыть глаза и для предупреждения которой мы должны напрячь все наши усилия. Именно теперь Революция может застрять на мертвой точке, с которой может начаться её откат. Именно теперь мы должны, во что бы то ни стало, помочь ей не остановиться на этой мертвой точке, на этом «повороте», но решительно двинуться дальше.

В чем же заключается та опасность, которая заставляет меня, на другой же день после новой победы, после нового скачка Революции вперед, заговорить таким, отнюдь не восторженным языком?

В настоящее время, на самом гребне крутой горы, по которой, до сих пор, восходила наша революция, — и эта Революция, и контрреволюция окончательно и деятельно собирают свои силы. Предстоит решительный бой. И бой этот развернется, вне всяких сомнений, вокруг определенного «фокуса» — Учредительного Собрания.

В каком же положении будут тогда обе силы — Революция и контрреволюция? Каково будет соотношение между ними?

Если Революция не сумеет теперь же, немедленно ступить самым решительным образом на путь глубокого социального переустройства и творчества; если Революция ныне остановится и ограничится в области социальной, безжизненными «декретами», робкими полумерами и бездейственными мечтаниями; если Революция, в ближайшие же дни, все еще не сойдет с того кривого политического пути, к которому политические партии ошибочно готовили ее, по которому политические партии ошибочно вели ее, и в итоге которого те же партии привели ее к политическому болоту — Учредительному Собранию; если Революция, если массы останутся и впредь глухи и слепы к немедленно необходимому делу решительного, смелого социального действия, — то, к моменту решающей схватки, в лагере Революции могут оказаться лишь незначительные, наиболее передовые слои рабочей армии. В лагере же контрреволюции очутятся помимо всех тех элементов, которые и прежде находились в нем, — все усталые, разочарованные, изверившиеся, неудовлетворенные, озлобленные, равнодушные...

Но, что важнее всего, те социальные полумеры, которые принимаются ныне Правительством, могут успокоить, „разреволюционизировать” довольно значительные слои населения, стоявшие еще при Керенском за Революцию. Эти слои могут теперь не пожелать выйти снова на бой. Они могут сказать: „С нас довольно того, что мы получили. Пусть Учредительное Собрание и новая власть укрепят это. Лезть дальше некуда и снова проливать кровь — не за что”...

Политический путь Революции; чисто политическая точка, в которую Революции предстоит завтра упереться, — Учредительное Собрание; робкие социальные полумеры, вместо решительных социально-творческих шагов; с одной стороны, утомление и недовольство, с другой — полууспокоение и примирение, которые очень возможны в результате этого ложного пути, — таковы те причины, которые могут быстро ослабить силы Революции. Такова та опасность, относительно которой мы должны предостеречь. Таковы те данные, которые могут привести к тому, что, в нужный момент, активные силы Революции окажутся, на этот раз, недостаточными.

Если сознательные рабочие слои хотят предотвратить эту возможную опасность и обеспечить дальнейшее движение Революции вперед, то передовые рабочие должны немедленно, — всюду на местах, — приступить к социальному творчеству и требовать от Правительства, раз оно еще существует, работы по разрешению социальных задач.

Вместо Учредительного Собрания и продолжения политической формы Революции (форма, которая отныне может быть только гибельным топтанием на месте); вместо робких полумер в области вопросов продовольственного, банковского, производственного, жилищного и пр., — рабочие организации, — всюду на местах, — должны решительно выдвинуть и начать разрабатывать план действительного активного проведения в жизнь следующих задач:

- 1) перенятие в свои руки продовольственного дела;
- 2) изъятие из области частной торговли предметов первой и второй необходимости;
- 3) установление прочных сношений между городом и деревней в деле обмена продуктами;
- 4) конфискация и употребление части банковских капиталов в качестве оборотного капитала для начала новой производственной деятельности;
- 5) перенятие в руки рабочих организаций фабрик и заводов, причем следует положить энергичное начало этой деятельности в Донецком бассейне, где перенятие копей и рудников в ведение и распоряжение рабочих организаций не представляет „материальных“ трудностей и связано, главным образом, с организационными задачами;
- 6) энергичное перенятие рабочими организациями в свое ведение дела снабжения заводов топливом и сырьем, для чего, помимо энергичной деятельности в Донецком бассейне, необходим переход в распоряжение рабочих организаций всех средств сообщения и сношения: жел. дорог, пароходства, почт, телеграфов и т. п.;
- 7) решительная деятельность в деле устранения частной, собственности на дома и переход всех жилых помещений города в ведение организаций жителей города (домовых комитетов).

Необходимо немедленно приступить к практической работе во всех упомянутых областях, перейдя, от бумажных „декретов“ и полумер, к живому и яркому социальному действию, творчеству.

Только такая деятельность способна двинуть Революцию по пути дальнейшей Социальной Революции, не позволив ей остановиться на мертвой точке революции политической.

Только такая работа может ярко осветить великие вершины истинной Революции, открыть ей новые привлекательные пути, снова увлечь широкие массы к дальнейшим победам и завоеваниям, удержать -эти массы в лагере Революции, не дать вырости и окрепнуть надвигающейся реакции.

Вместо У. С.

1917, 2/15 декабря. «Голос Труда», № 21.

Известно, что мы, анархисты, отрицаем Учредительное Собрание, считая его не только совершенно ненужным, но прямо вредным для дела Революции.

Очень немногие, однако, дают себе ясный и правильный отчет в том, откуда именно вытекает у нас такая точка зрения.

Между тем, существенен и характерен вовсе не самый факт отрицания. Существенны те причины, которые к нему приводят.

Мы отрицаем Учред. Собр. не из каприза, не из упрямства или духа противоречия. Мы не „просто и только отрицаем“: мы приходим к отрицанию логически — потому, что считаем единственно важным и полезным для трудящихся делом, во время Социальной Революции, устройство новой жизни самими трудящимися массами, снизу, при помощи непосредственных массовых экономических организаций, а не сверху, при посредстве политического властного центра.

Мы отрицаем потому, что ставим на место Учредительного Собрания совершенно иной „учредительный“ институт — естественно объединенную снизу трудовую (рабоче-крестьянско-солдатскую) организацию.

Мы отодвигаем У. С. потому, что выдвигаем на его место нечто другое.

Мы не хотим, чтобы одно мешало другому.

Большевики, с одной стороны, признают непосредственную, классовую организацию трудящихся (Советы и пр.), а с другой — сохраняют нелепое внеклассовое Учр. Собр. Мы считаем такую двойственность противоречивой, крайне вредной и опасной. Она является, конечно, неизбежным результатом того, что большевики, будучи „социал-демократами“, вообще путаются в вопросах „политики“ и „экономики“, „власти“ и „безвластия“, партии и класса. Они не решаются окончательно и вполне отказаться от мертвых предрассудков, ибо для них это означало бы броситься, не умея плавать, в открытое море.

Нельзя не путаться в противоречиях людям, которые, во время пролетарской революции, считают главной задачей организацию власти.

Мы отрицаем эту «организацию власти» именно потому, что выдвигаем, на её место, организацию революции.

Организация власти упирается логически в Учредительное Собрание.

Организация революции приводит, логически же, к совершенно иному построению, в котором Учредительному Собранию просто нет места и которому У. С. просто мешает.

Вот почему мы отрицаем Учредительное Собрание.

Грядущие задачи

1917, 2/15 декабря. «Голос Труда», № 21.

Перед революцией теперь два пути. Третьего нет.

Или, приостановившись на вершине крутой „политической“ горы, по которой она взбиралась, в течение восьми месяцев, Революция дрогнет и начнет скатываться назад, сползать вниз — к туманным, мрачным низинам, или — она должна будет продолжать подъем, взбираясь на новую „социальную“ гору, вершина которой теряется в облаках.

Никакая Революция не может стоять на месте. Третьего пути, третьего состояния нет.

Мы говорим, что Революция достигла ныне вершины горы. В самом деле: подъем политической революции — окончен. Политическая революция достигла последней черты, крайней точки вершины. Самая левая политическая партия овладела, наконец, властью. Эту власть она ныне закрепляет и осуществляет. Политического движения вперед больше быть не может. Политической революции дальше идти некуда.

Трудящиеся массы должны теперь приложить все усилия к тому, чтобы не дать Революции остановиться. Рабочие и крестьяне должны предупредить предотвратить возможный откат назад. Солдатские массы должны всячески поддержать, на этом пути, рабочих и крестьян. В противном случае — Революция погибла.

Рабочие и крестьяне должны теперь направить революцию в созидательное социальное русло. Если это удастся им, — революция спасена и победа обеспечена. Если не удастся, — смерть Революции неизбежна.

Что же должны делать трудящиеся для того, чтобы поддержать, подхватить Революцию и направить ее по пути революции социальной?

Ряд громадных и нелегких задач выростает теперь непосредственно перед трудовыми массами деревни и города.

Деревне предстоит, — в длительной, упорной борьбе и работе, — овладеть всей землей на артельных, мирских, общинных началах; устранить частное, не мирское владение землей, устранить помещика и крестьянина-собственника; "устроить" землю на справедливых началах.

Но, овладеть землей, это — лишь пол дела.

Надо будет, далее, обзавестись, на артельных же началах, необходимым для обработки этой земли инвентарем: скотом, машинами, инструментами и т. д.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Овладевая землей и инвентарем, крестьянство должно будет тут же налаживать правильную, равномерную сельскую работу, опять-таки на артельных началах, постепенно улучшая хозяйство и совершенствуя приемы работы.

Наряду с этим крестьянские артели должны правильно поставить дело распределения продуктов (зерна, сена, овса, овощей и пр.). Все необходимое для потребления артели должно распределяться по едокам; необходимое для посева — ссыпаться в склады; остальное посылаться заказчикам — туда, где сельские продукты требуются. Отсюда возникают новые задачи: устройство общественных складов; организация нового распределения; налаживание деятельных сношений между деревнями, деревень с городами и т. д.

А дальше — вырастают крупнейшие задачи „второго порядка“: полная перестройка крестьянских жилищ; организация школьного дела, оздоровление деревни и постановка там санитарного и врачебного дела...

Задачи города, городского хозяйства, городской жизни — еще более сложны; в особенности, в обстановке текущего момента.

Только многосторонняя планомерная деятельность рабочих организаций деятельность, решительно направленная к определенной цели, — может оказаться на высоте этих задач.

В общем и целом, эта деятельность и эти задачи рисуются в следующем виде.

Организация питания

Везде, где достаточные силы сознательных солдат и матросов стоят на страже революции и поддерживают рабочее дело, необходимо, прежде всего, решительно поставить, энергично разработать и самым определенным образом провести в жизнь продовольственный вопрос.

Главные съестные продукты (хлеб, мясо, сахар, соль, молоко, масло и пр.) должны быть немедленно изъяты из частно-торгового оборота. Имеющиеся налицо продукты (в лавках, магазинах, на складах и т. д.) должны перейти в ведение общественных организаций; общественные же организации должны взять на себя дело добывания новых продуктов. Вместо частных торговых заведений, организуются общественные склады.

Какие именно организации могут приступить к этой задаче? Удобнее и проще всего было бы поручить выполнение ее кооперативным организациям. В этом случае — во-первых, дело попадало бы сразу в руки людей, уже знакомых с продовольственным делом; во-вторых, задача облегчалась бы тем, что кооперативы могли бы осуществить конфискацию продуктов и организацию складов, без особых затруднений и осложнений, по кварталам, районам и пр.; в-третьих, планомерное проведение в жизнь этой задачи позволило бы приказчикам и другим служащим в торговых заведениях не остаться без работы на улице, а перейти к той же работе — на складе того же квартала; в-четвертых, наконец, такое решение вопроса позволило бы связать задачу продовольственную с задачей жилищной. Деятельность

кооперативов потребителей данной улицы, кварталу и пр. может быть весьма удобно объединена с деятельностью домовых комитетов. (Связь между тем и другим уже подчеркнута Революцией).

Конфискация продуктов и организация общественных складов должны сопровождаться организацией дешевых (или даже бесплатных) общественных столовых, с горячей пищей и чаем (вместо нынешних трактиров и чайных).

Такая постановка вопроса, такое широкое проведение в жизнь основных мер по организации питания могло бы тотчас же существенно облегчить положение бедного населения. С другой стороны, совокупность этих мер нанесла бы серьезный удар спекуляции и контрабанде, с которыми нет возможности бороться другими средствами.

Меры эти были бы бесплодны, если бы продуктов не было. Но — они есть. Надо лишь суметь найти и обобществить их. В этом отношении, большую услугу могут оказать именно кооперативы (домовые, улиц или кварталов), в единении с домовыми комитетами.

Необходимо немедленно требовать от своих рабочих организаций постановки всех этих вопросов на очередь дня. Необходимо, чтобы живая масса, стоящая вне организаций, настаивала на немедленной разработке всех этих вопросов и на скорейшем воплощении в жизнь этих первейших, насущнейших мероприятий.

***

Рука об руку с деятельностью по организации питания (планомерная реквизиция продуктов первой и второй необходимости; организация общественных складов-лавочек и добывание продуктов; устройство общественных столовых и т. д.), должна развиваться энергичная работа по разрешению жилищного вопроса.

Организация расселения

Необходимо немедленно приступить к планомерному изъятию домов и жилищ из рук частных собственников, живущих эксплуатацией „жильца" квартиронанимателям. Обобществление всех, без исключения, домов города и, затем, более или менее равномерное, справедливое распределение имеющихся квартир, — такова непосредственная задача.

Мы прекрасно знаем, что задача эта не может быть разрешена одним ударом, в пять минут. Она требует планомерной, вдумчивой, серьезной работы.

Но необходимо решительно поставить перед собой эту цель и определенно приступить к разработке плана ее осуществления. Дело, ведь, только тогда и делается, когда имеется ясная, определенная цель.

Наше правительство проектировало робкий, осторожный декрет об облегчении квартирной кабалы и — на этом застряло. Но, речь должна идти не об изменениях условий квартирной платы, а о полном устранении частной собственности на жилища, об установлении совершенно новых жилищных отношений.

Организации, способные провести эту задачу в жизнь, имеются; домовые комитеты, советы уполномоченных от жильцов.

Каждый такой комитет или совет подготавливает и разрабатывает осуществление задачи у себя, на месте, в пределах данного дома. Ему, этому комитету, точно известно положение вещей у него „на дому“. Он может, в каждом доме, собрать точнейшие данные по всем существенным вопросам: положение домовладельца и жильцов, состояние квартир, вопросы ремонта, отопления, освещение, домовой прислуги и пр.

Комитеты отдельных домов объединяются естественно в советы улиц, кварталов, подрайонов, районов. Каждый такой совет рассматривает вопросы, выходящие из круга ведения отдельного комитета. Наиболее общие вопросы решаются общегородской организацией, естественно объединяющей низшие ячейки.

Вслед за перенятием домов в ведение и распоряжение домовых организаций, возникает вопрос о распределении квартир. Это — как раз такой вопрос, который должен решаться в общегородском масштабе. И если общегородская организация, действительно, объединяет домовые, квартальные и районные организации снизу, то решение задачи будет легко осуществимым.

Построение организации по разрешению жилищного вопроса снизу, от окружности к центрам, — одинаково обеспечивает, как возможность и планомерность рассмотрения всех отдельных, частных случаев и положений, так и осуществление общих для всей массы населения задач.

Отметим, что в таком именно виде приступлено на днях к разрешению жилищного вопроса в г. Кронштадте.

Петроградскому населению необходимо немедленно и энергично взяться за работу по организации расселения. В этом вопросе найдется дело каждому обывателю, ибо каждый обыватель живет в доме и заинтересован в том, чтобы оплата его жилища была справедливой и шла, действительно, на покрытие связанных с содержанием дома расходов. Что же касается более справедливого распределения квартир, то, вслед за первыми шагами по пути общественного дела, дальнейшие шаги окажутся и естественными, и нетрудными.

***

Заодно с организацией общественного питания и организацией расселения, необходимо теперь же приступить к планомерной организации перехода фабрик и заводов в ведение и распоряжение фабрично-заводских комитетов.

Фабрики и заводы

Не зачем много говорить о том, что фабрики и заводы должны теперь же начать переходить в руки рабочих организаций. Это ясно для каждого сознательного рабочего. Важнее остановиться (пока вкратце) на вопросе о том, как осуществить этот переход.

В настоящий момент, фабрики и заводы закрываются в громадном количестве. Ежедневно тысячи и тысячи рабочих остаются без дела. Что же мешает этим рабочим не дать закрыть фабрику и продолжать дело самим? Главные трудности и препятствия известны:

- 1) недостаток оборотных средств („денежных знаков“);
- 2) недостаток заказов;
- 3) недостаток сырья и топлива;
- 4) невозможность быстрого перехода на изготовление предметов мирного времени;
- 5) сознательный саботаж предпринимателей и высших служащих.

Из этих препятствий, особенно серьезными являются: недостаток заказов и недостаток сырья и топлива. Серьезность их зависит, в значительной степени, от отсутствия правильных и постоянных сношений с деревней, от разрухи и оторванности центров угольной, нефтяной и металлургической промышленности (Донецкого бассейна и Урала), от малой провозоспособности дорог и полного расстройства транспорта.

Из сказанного вытекает необходимость ряда мер, за которые рабочие должны приняться сами — немедленно и энергично, не ожидая решительно ничего ни от каких центральных организаций и обращаясь в эти организации лишь за помощью.

В то время, как в городе должны налаживаться: обобществление продовольственного дела, организация питания и перенятие домов, что уже, в значительной степени, облегчит существование рабочих, необходимо поставить на очередь вопрос об овладении оборотными средствами (денежными знаками), в целях снабжения ими фабричных и заводских касс.

Банки

Необходима конфискация крупных банковских капиталов и обращение этих средств на дело поддержания работ на заводах и фабриках. При этом, отнюдь не желательна так называемая „национализация банков" (уже проведенная правительственным декретом), при которой капиталы поступают в распоряжение государства (т.-е., фактически — правительства). Надо, чтобы конфискованные суммы положили начало не "Государственному" (правительственному), а "Рабочему" банку. Необходимо весь вопрос о размерах и употреблении конфискованных средств передать на рассмотрение рабочего съезда, который и решит вопрос о распоряжении этими средствами и об организации "Рабочего Банка".

Город и деревня

Однако, конфискация наличного денежного капитала может лишь на некоторое время смягчить остроту положения; она не в силах прочно и надолго разрешить вопрос.

Важнейшей для городских рабочих мерой, которая может (в связи с уже перечисленными мерами) помочь им обеспечить свое существование на долгое время и постепенно наладить новую работу на своих заводах и фабриках является немедленное установление прочных связей и отношений с крестьянами окружающих деревень (уезда или, даже, губернии). Необходимо тотчас приступить к организации прямого обмена с деревней. На это дело не следует жалеть ни времени, ни энергии. Надо, на рабочем съезде, выработать воззвание к крестьянам и разослать по деревням как это воззвание, так и людей, с целью организовать получение от крестьян всевозможных сельскохозяйственных продуктов, в обмен на городские продукты и на работу по починке и ремонту сельхоз. орудий. В некоторых местах городские рабочие уже приступили к этому и быстро достигли крупных результатов.

Сырье и топливо

Что касается сырья и топлива, то, в этом отношении, — время, несомненно, упущено. Надо было обратить внимание на этот вопрос с самого начала революции. Теперь — положение очень серьезно; но, все же, не безнадежно. Кроме Донецкого бассейна, от которого ждать помощи пока не приходится, существует Урал, на который необходимо послать людей, в целях установления прочных связей и получения необходимых материалов. Надо рабочим самим взяться за розыски, затрачивая на это часть сил и времени, пока они могут еще продержаться в городе (благодаря другим мерам). За это же время, следует, по возможности, приспособлять имеющиеся заводы к задаче изготовления предметов для деревни и к нуждам ремонта, чинки и пр.

Транспорт

Рабочие, остающиеся без дела, должны узнавать, где могли бы они приложить свой труд на железных дорогах (чинка паровозов и вагонов, ремонт пути и т. п.). Железные дороги должны, в этом отношении, пойти навстречу рабочей нужде.

Кроме того, необходимо самым решительным образом настаивать на немедленном переходе железных дорог в распоряжение рабочих организаций.

Общественные работы

Но и помимо железно дорожных работ, необходимо организовать общественные работы в самом городе. Это обычная мера борьбы с безработицей имеет свое значение.

***

Таковы, в кратких словах, ближайшие насущные задачи, выростающие перед рабочим населением города, — задачи, смелая и энергичная постановка которых может в большей степени смягчить болезненность переживаемого острого переходного кризиса.

Скажем, в заключение, что, по нашему мнению, рабочие Петрограда должны теперь же взять в руководство три следующих необходимости:

- 1) созвать рабочий съезд, с большим числом представителей, для разрешения всех этих и других чисто деловых вопросов;
- 2) действовать смело и решительно, не боясь ни ошибок, ни неудач; ибо, хуже быть не может, а улучшить положение — другого способа нет;
- 3) ни от кого ничего не ждать, ни на кого не надеяться: действовать самим, обращаясь к помощи своих рабочих организаций, когда последние в силах помочь, и действуя помимо организаций, когда последние прямо заявляют о своем бессилии.

Только сами, беззаветно и смело идя на все, до конца, не останавливаясь ни перед чем и участвуя — каждый — в общем деле, рабочие смогут добиться успеха и не дать буржуазии восторжествовать на развалинах революции.

Заключение мира

1917, 2/15 декабря. «Голос Труда», № 21.

(Ответ читателям)

Я получил два письма — оба чрезвычайно характерных.

В первом — один из читателей пишет:

“ Вы не раз указывали на то, что без заключения мира, невозможно действительно полное разрешение всех других насущных вопросов. Теперь скажите: можно ли заключить мир без определенного политического центра, то есть без политической власти, которая вела бы дело заключения мира? А если невозможно, то, значит, и другие насущные вопросы не могут быть разрешены без предварительного захвата политической власти. Значит большевики были правы, стремясь, прежде всего, захватить власть.

В другом письме мне пишут:

“ Правильно ли поступают большевики, что ведут переговоры о мире с правительствами? Можно ли допустить, чтобы рабочее и крестьянское правительство — правительство Великой Пролетарской Революции, — обращалось от имени революционного народа к буржуазно-военным, империалистским правительствам других стран? Я считаю это недопустимым, позорным. Я обвиняю большевиков в том, что они затеяли торг между Революцией и правительствами, — ее закоренелыми врагами. Как вы думаете по этому поводу?

Я нарочно свожу вместе оба письма. Второе уже, в значительной степени, отвечает на первое. Мне остается лишь, в нескольких словах оттенить внутреннюю связь между обоими письмами и пополнить ответ.

Начну с второго письма.

Я думаю, что нельзя винить большевиков за то, в отдельности, что они вступили в переговоры с правительствами. Такой прием был для них роковой неизбежностью том политическом пути, которым социал-демократы шли и до русской революции, и во время самой революции. Можно и следует винить в том, вообще, что они, с самого начала, разыгрывали революцию по политическим нотам захвата власти и партийной борьбы.

Заключение мира путем переговоров с правительствами явилось лишь неумолимым логическим следствием и выводом из всей их деятельности. Политический путь имеет свои роковые законы, свои неизбежности. Если человек, взяв неверную дорогу, пришел к болоту, то нельзя винить его в том, что на этом пути имеется болото, а можно и следует винить его в том, что он, с самого начала, взял неверную дорогу.

Раз революция шла политическим путем, то на этом пути она, по вопросу о мире, не могла не вылиться в форму политического же заключения мира, то-есть, в форму переговоров о мире между политическими центрами - правительствами. Вините большевиков в том, что они взяли неверную дорогу, но никак не в том, что на этой дороге имеется неизбежность — мирные переговоры между правительствами.

Заключение мира было безусловной необходимостью. И раз, в результате политического пути Революции, составилось (будь оно хоть трижды "рабочим и крестьянским") правительство, то эта необходимость заключения мира неумолимо должна была вылиться в форму переговоров о мире между этим и другими правительствами. Иного выхода, при политическом пути Революции, не было.

Из сказанного уже ясен и мой ответ на первое письмо.

Автору этого письма, вероятно, и в голову не приходит, чтобы можно было заключить мир иначе, чем путем переговоров между правительствами и чтобы можно было обвинять в ведении таких переговоров „рабочее и крестьянское правительство". Он рассуждает просто и, со своей точки зрения, верно:

1) мир был необходим; 2) мир можно было заключить лишь при помощи переговоров; 3) вывод: стало быть, необходимо было образование соответствующего правительства, то есть захват власти большевиками.

Но, тут-то и выплывает вопрос автора второго письма: а хорошо ли, правильно ли заключать мир таким образом? Иными словами, автор второго письма несогласен со вторым основным положением автора первого письма, а, стало быть, несогласен и с его, — кажущимся ему столь неумолимым, — выводом.

Несогласен с ним и я.

Я нахожу, что как дальнейшее углубление самой Революции, так и связанное с этим углублением движение к миру могли и должны были идти с самого марта месяца, не политическим путем, не через «власть», а путем непосредственной экономической, внепартийной деятельности масс на местах (организация и планомерный переход к экспроприации).

Я считаю, что мир, в этом случае, мог бы быть и проще, и скорее заключен самими массами, без посредничества правительств.

Я думаю, что Революция и война, что основные вопросы о хлебе и мире не уперлись бы, в этом случае, в тот почти безвыходный, ужасный тупик, в каком они находятся поныне.

Но, как же мог бы русский народ заключить мир без посредничества правительства?

Один из сотрудников „Голоса Труда" (матрос М. Харлампиев) говорит в прошлом номере:

“ Что же касается мира, то мне кажется, что это дело надо взять в руки самим солдатам и матросам... Они лучше, вернее и скорее всех организуют настоящий мир — справедливый и вечный... Не думайте, что они плохо сделают, „не организованно"; поверьте, не такие уж мы косолапые, как про нас понимают „буквоеды".

Несколько месяцев тому назад, один из товарищей выдвигал идею созыва Всероссийского рабочего съезда для постановки вопроса о прямой ликвидации войны и о созыве, с этой целью, международного рабочего съезда (порядок дня— устройство международной всеобщей стачки против войны).

Выдвигались и другие меры.

Наконец, раздавались голоса и за то (как нам приходилось уже отмечать), чтобы русская армия показала в этом деле прямой почин и ушла организованно домой, просто перестав воевать. Говорили, что теперь такой прямой почин неизбежно „механически" увлек бы армии других стран, и война сейчас же прекратилась бы.

Я не могу развивать здесь подробно всю эту тему, ибо мне пришлось бы, в таком случае, поднять громадный вопрос о войне в его целом.

Ограничусь кратким выводом.

Я, лично, склонен думать, что последнее мнение наиболее правильно. Я полагаю, что, сам взявшись, — революционно и прямо, — за решение вопроса о войне, русский народ должен был бы поступить (и поступил бы) именно так: наши солдаты просто прекратили бы войну и организованным порядком, оставили бы фронт. Они ушли бы домой, и — раз навсегда в истории, война кончилась бы, как явно бессмысленная и ненужная вещь.

Автор первого письма (как и всякий большевик) не станет, конечно, бояться иностранного вторжения, в случае такого прекращения войны. Ибо, большевики прекрасно понимают всю напраслину подобных страхов и говорят устами Ленина:

“ Пусть она (всемирная буржуазия) попробует повести народы на четвертый год войны друг против друга. Это ей не удастся.

(Речь Ленина на Всероссийском съезде военного флота; „Известия №235).

Ну, так и я, в свою очередь, спрошу теперь автора письма:

Если буржуазии «это не удастся» и опасаться вторжения, вообще, нечего, то чем такой прямой и простой прием ликвидации войны хуже переговоров между правительствами? И

почему нельзя заключить мир иначе, как через посредство правительства? Не ясно ли, во-первых, что, раз вторжение невозможно и все народы готовы к революции (см. ту же речь Ленина), то любой путь прекращения войны не страшен, и надо выбрать именно наиболее простой, прямой, скорый и верный путь? И не ясно ли, во-вторых, что путь междуправительственных переговоров есть, как раз, наихудший путь, ибо он сложнее, запутаннее, дольше других путей; ибо он, действительно, неприятен и нелеп по существу; и — главное — именно на этом пути мы больше всего рискуем наткнуться на невозможность заключения мира, то есть вернуться, — после новых мытарств, отстрочек, перерывов и .т. д. — к старому, разбитому корыту.

Мне думается, что если делать, то надо делать решительно, прямо и быстро. Если действительно, мир необходим и не страшен для Революции, то надо идти к нему смело и просто. Если хотеть бесстрашно лететь к облакам, то — зачем же оставаться на жалкой привязи?..

Крестьянское дело

1917, 9/22 декабря. «Голос Труда», № 22.

6-го декабря, на Всероссийском Съезде Советов Крестьянских Депутатов имел место знаменательный факт.

Во время заседания Съезда (на Фонтанке), прибыла делегация от Черноморского флота. Депутат-матрос, тов. Кедрин, произнес сильное слово о расколе среди крестьянства и о той вредной, губительной поддержке, какую оказывают этому расколу — политические партии.

Среди гробовой тишины на скамьях депутатов, впервые на Съезде раздалось:

“ Проклятие партиям! Проклятие партийным лидерам!

Товарищ призывал крестьян взять съезд и все крестьянское дело в свои собственные руки и идти самостоятельно, по пути разрешения насущных, наболевших вопросов крестьянской жизни.

Крестьянские организации, — говорил товарищ, — не занимаются своим, крестьянским делом, а идут на поводу у партийных вожаков. Партии вносят разъединение и раскол в крестьянскую среду и отрывают крестьянство от его прямых нужд и задач. Крестьянство стравлено партийными работниками, с.-р. и большевиками. В этой борьбе между партиями, в этом расколе — самого крестьянства нет. Есть с.-р. и большевики, Чернов и Ленин... А великая задача, трудная задача, за которую крестьянство должно немедленно само взяться всюду на местах, — задача эта не двигается. Помощи крестьянству в его истинных крестьянских нуждах не видно. Партии дерутся между собой и не объединяют крестьян на живом деле, а разъединяют их. Большей радости врагам российского крестьянства никто доставить не мог. Партии и их бесконечные раздоры, вместо дела, — дали врагам крестьянства в руки сильное оружие. И в этом их тягчайшее преступление перед крестьянством. В этом — вина партийных "лидеров" и работников: Черновых, Лениных и иже с ними. Проклятие партиям, посланное через представителей Черноморским флотом, да падет на головы партийных главарей. Партийные интересы стали выше интересов крестьянства.

Крестьянство оказалось втянутым в эти партийные раздоры и расчеты. Вместо живой работы по созданию силы, организованности и сплоченности, вместо работы по строительству новой жизни на местах, — вот уже два съезда занимаются навязанной им партийной грызней. Долой партийные интересы! Да здравствует хозяин земли русской — крестьянин; а партии пусть ему служат, а не он — партийным расчетам...

***

Так, приблизительно, говорил депутат Кедрин.

Нам почти нечего прибавить к этим словам.

И задолго до русской революции, и с самого начала революции, мы, анархисты, настойчиво убеждали, что споры и борьба партий по вопросу о «власти», вместо внепартийной организации трудовых масс — рабочих и крестьянских — в одну трудовую армию с целью сплоченной и прямой борьбы за землю и фабрику, что эти споры и эта борьба разъединят трудящихся и нанесут страшный (быть-может, непоправимый) удар революции.

Мы всегда говорили: Долой партии! Рабочие и крестьяне, организуйтесь в беспартийную, революционную трудовую организацию и приступайте к прямой борьбе за землю и волю! Честные социалисты, бросьте споры о власти и помогите массам направить их организации на прямую цель, — единственно-важную в революции, — перенятие в руки этих организаций земли, рудников, копей, фабрик, заводов, жилищ, дорог и др. Не борьбой партий за власть, а борьбой таких организаций против власти победит революция...

Нас не слушали. Нас было мало. Наш голос был слаб...

Теперь нас утешает только одно: авось, массы сами начнут понимать истину и проложат своим силам и революции прямой путь. Авось, народ еще сумеет и успеет добраться до верного решения вопроса.

Пусть же звучный голос, раздавшийся на крестьянском съезде, будет первой ласточкой, будет первым кличем к тому, чтобы крестьянство взялось, наконец, само, — рука об руку с рабочими городов, — за прямое, живое, сложное крестьянское дело.

Да раздастся этот клич по всей России, и да откликнутся на него повсюду живые силы!..

Горькие плоды

1917, 16/29 декабря. «Голос Труда», № 23.

В настоящий момент, мы еще лишены возможности знать, насколько точны и справедливы все те тревожные известия и слухи, которыми пестрят столбцы многих газет и в которых говорят по всем углам и перекресткам нашей революционной столицы.

Говорят, будто Украинская Рада обладает значительными силами; будто ее агитация за „самоопределение“ и клич "защищайте независимость свободной Украины от притязаний большевистского правительства" имеют большой успех в малосознательных массах... Говорят, что крупные части войск — на ее стороне. Говорят, будто к ней же примкнуло большинство команд Черноморского флота. Говорят, будто солдаты петроградского и московского гарнизонов отказываются, в большинстве, выступать в поход против Рады. Говорят, что среди солдат существует серьезное брожение на почве недовольства большевистской властью Совета Народных Комиссаров, на почве стремления вручить „всю власть Учредительному Собранию"... Говорят, наконец, будто, под влиянием всех этих событий, большевики, — в подавляющем большинстве, готовы идти на уступки и вступить в переговоры с „соглашательскими" партиями относительно образования общесоциалистического министерства...

Говорят еще, будто переговорам о мире грозит полное крушение...

Мы хотели бы верить, что все эти разговоры подобны былым сплетням о японцах, заполонивших Сибирь, о немцах, высадившихся в Финляндии, о двух германских корпусах,двигающихся на Петроград, и о всех прочих ужасах и небылицах, которыми еще так недавно пугали ребячески пылкое воображение невинного обывателя.

Мы хотели бы верить...

Но если бы во всех таких рассказах оказалась значительная доза правды, это нисколько не удивило бы нас. Мы имели бы здесь дело с теми именно крупными препятствиями и затруднениями, которые являются неизбежными последствиями ошибочного пути Революции и относительно которых мы давно, мы всегда, — упорно и настойчиво, предупреждали.

Нам не один уже раз приходилось и в „Голосе Труда" говорить о том, что ложный, „кривой", политический путь Революции имеет свои роковые неизбежности, которые могут вырасти в громадное препятствие и, даже, оказаться губительными. Нам ли, после этого удивляться, если жизнь, — увы! — подтвердит наши опасения?!

Мы постоянно говорили социалистическим партиям, — в том числе, социал-демократам: вместо прямой, ясной и до конца правдивой постановки вопросов, вы, на основании

различных глубоко-ошибочных соображений (преждевременности, постепенности, неосуществимости и т. п.), — останавливаетесь на полдороге и, разрушая старые фальшивые фетиши и ценности, заменяете их новыми, столь же фальшивыми. Бойтесь, ибо вы дадите этим, в эпоху революции, сильное оружие врагам ее; вы рискуете потерять массы, проиграть игру, убить Революцию...

Мы могли бы теперь сказать с.-д.-большевикам, если бы "слухи" оказались „фактами“:

Вы начинаете чувствовать свое бессилие? Вы начинаете ощущать безжизненность, оторванность высшей власти, „бесплотность“ и бесплодность ваших лозунгов и декретов? Вы жалуетесь, что масса не воспринимает их, не проводит их сама в жизнь, не творит и не берет «власти» в свои руки. Но не вы ли, вместо прямой задачи безвластной и самостоятельной организации масс, — задачи, ясная постановка которой одна только и могла подготовить массы к творчеству, — не вы ли, в течении стольких лет, приковывали внимание этих масс к фетишу захвата власти партией и организации революции партией же? Не вы ли ныне, увлеченные "проблемой власти", задачей "организации власти", "борьбой за власть", "захватом власти", — не вы ли отвлекли и заранее ограничили энергию масс узкой задачей поддержки новой власти, вместо того, чтобы с самого начала, открыть этой энергии широкий простор самоорганизации и творчества?.. Где и когда подготавливали вы в массах тот дух самостоятельности те организационные стремления, которые одни только и могли бы, в нужный момент, дать массам подлинную, живую возможность творить, действовать, проводить в жизнь задачи Революции?.. Нигде. Никогда. И мы скажем вам еще, что, если бы вы, с самого начала, оставили в стороне вопрос о «власти», — массы не отравлялись бы ныне никакими сомнениями и недовериями: с полным, беззаветным энтузиазмом, с полной ясностью делали бы они и защищали бы подлинное свое дело... Теперь — поздно жалеть...

Вы жалуетесь на то, что Раде удастся, обманывая трудовой народ Украины лживым толкованием лозунга „национального самоопределения“, дурачить массы, направляя их, на деле, против революции, против их же собственных интересов?.. Но не вы ли сами создали возможность такого "одурачения"? Ибо, если бы вы, — с самого начала, всегда и везде, — говорили полную правду; если бы вы, вместо неверного и искусственного лозунга "самоопределения", разъяснили массам, — упорно и настойчиво — ту простую истину, что какое бы то ни было внимание к национальным интересам излишне и вредно для трудящихся, и что единственными задачами трудовых масс должны быть полное игнорирование национального принципа и организационное объединение на основе не национальных, а чисто трудовых интересов, — если бы вы так поставили "национальный вопрос", то массам было бы теперь гораздо легче понять обман. Они сразу увидели бы его. Быть может, их даже вовсе не удалост бы уловить на удочку "самоопределения"... Вы бросали в массы неверный (исторически, логически, социологически и социалистически) лозунг. Увы, — "полная Революция" требует полной же прямоты, ясности и правды. Всякая фальшь, всякая незаконченность отравляют ее. В решительной борьбе с врагом — опасен малейший промах, рискована малейшая неясность. Вся туманность, двусмысленность, „неполнота правды“ дает сильное оружие врагу, позволяя ему сбить массу с толку. Враг охотно поднимает это оружие и, большей частью, умело пользуется им. „Полная Революция“ мстит жестоко за неполноту революционной идеи и истины.

Вы стоите перед той нелепостью, что солдаты — ваши же солдаты готовы требовать ныне „всей власти Учредительному Собранию“, воображая будто они, тем самым, служат подлинным интересам народами Революции? Но, не вы ли сам и, — в течение долгих лет и чуть не до последнего дня приковывали взоры масс к фальшивому фетишу — Учредительному Собранию? Что создавали, что подготовляли вы, в психике масс на его место? Никогда, ничего. Зачем же жаловаться на то, что вами же самими было подготовлено?..

Нет. Еслди вы терпите удары, — вы терпите их по заслугам. И если Революция, действительно, начинает поворачиваться к вам спиной, — вы сами дали ей это право, оскорбив ее, в свое время (да оскорбляя ее и сейчас), неполнотой доверия к ней... О, Революция умеет мстить за себя...

Вы начинаете ныне пожинать горькие плоды того, что вами же было посеяно.

Ибо масса обладает двумя способностями: и здоровым чутьем к истине и — увы — способностью легко поддаваться обману. Вы открыли путь этой второй способности. Она проявляется всегда временно. Но, когда масса начинает понимать обман, — бывает поздно. Революция оказывается ослабленной. Реакция вступает в свои права...

И если наша Великая Революция, — на что мы еще не теряем надежды, — сумеет, все же, в конце концов, растоптать горькие плоды вашей работы и принести плоды сладкие и налитые жизнью, то лишь потому, что в ней таятся великие объективные силы. Эти силы, быть может, помогут ей выбраться вовремя с того кривого пути, на который вы, —вы сами, — навели ее. Эти силы, быть может, еще сумеют вывести ее на прямую, широкую дорогу истинного дела, истинного творчества, истинной организации и — победы. Тогда, вы — или пойдете с нею, или окончательно измените ей и будете опрокинуты, смяты и раздавлены ея сверкающей колесницей.

Диктатура пролетариата и Советская власть

1917, 16/29 декабря. «Голос Труда», № 23.

Под таким заглавием появилась, на днях, в „Правде“ (№ 211) весьма характерная статья, в которой нас занимают, главным образом, следующие положения:

“ В отличие от анархистов, социалисты полагали и полагают, что на переходное время, когда гражданская война еще продолжается, пролетариату нужна его собственная государственная организация, рабочее, трудовое государство.

Анархисты говорят совершенно правильно, что всякое государство есть орудие принуждения и угнетения. Это верно. Но именно поэтому рабочему классу и необходимо это орудие, его собственное орудие, орудие, находящееся в его руках.

Оно необходимо ему для того, чтобы "принуждать" и "угнетать" буржуазию до тех пор, пока она повсеместно не сдастся на капитуляцию.

Пролетарская революция не может пройти „как по маслу“ ни в одной стране, потому что она поднимает против себя все силы старого мира. И было бы бессмысленным, если бы пролетариат сидел, сложа ручки, и по-христиански подставлял щеки своим классовым противникам. Наоборот. Его задача состоит в том, чтобы раздавить всякое сопротивление, чтобы добить буржуазию, чтобы не дать ей никакой возможности вернуться к ее классовому господству.

Таков смысл диктатуры. Таков смысл рабочего государства.

Далее, автор говорит о том, что впоследствии, с исчезновением классовой борьбы, исчезнут и самые классы, а, стало быть, не будет больше никакой надобности и в орудиях классового угнетения. Не будет и государства.

В заключение, автор статьи утверждает, что, раз «смысл диктатуры заключается в подавлении классового противника», то пролетариат и беднейшее крестьянство должны построить свою „классовую власть“. Органами этой власти и являются Советы.

***

Я лишен, к сожалению, возможности исчерпать вопрос, в небольшой газетной статье, с той полнотой, с какой хотелось бы это сделать. Я ограничусь, поэтому, лишь несколькими основными положениями, которые все же, осветят позицию анархистов в затронутом вопросе.

О „политической борьбе" вообще

Социал-демократы часто утверждают, будто мы, анархисты, отрицаем „политическую борьбу". Они любят поучать нас, разъясняя, что-де без "политики" не овладеть "экономикой" и т. д.

Весь этот спор основан на крайне поверхностном отношении к вопросу и на полном непонимании анархизма.

Выражение „политическая борьба" само по себе еще ничего не означает. Этот термин совершенно неопределенен и расплывчат.

Под „политической борьбой" можно понимать три глубоко различных вещи:

- 1) борьбу ради политической цели (захват власти);
- 2) борьбу политическим методом (организация политической партии, с целью захвата власти);
- 3) борьбу в защиту революционных благ от насилия политической власти (борьба против власти и насилия буржуазии).

Что же признают и что отрицают анархисты?

Анархисты отрицают политическую цель борьбы (захват власти)*

Анархисты отрицают политический метод (способ) борьбы (организацию политической партии и пр.).

То и другое они считают вредной, бесплодной и гибельной ошибкой.

Но анархисты признают политическую борьбу, как защиту революционных благ от насилий и покушений. Эту борьбу они вели и ведут всегда и везде.

О "диктатуре пролетариата"

Опять-таки, выражение „диктатура пролетариата" — весьма неопределенно. Оно еще ровно ничего не обозначает. Что понимать под „диктатурой"? Вот в чем вопрос.

Мы, анархисты, признаем диктатуру пролетариата; но какую, в каком смысле?

Первый пункт (о „политической борьбе" вообще) уже дает ключ ответу.

„Диктатуру" в виде захвата политической власти отрицаем.

„Диктатуру" , осуществляемую при посредстве политической партии, — отрицаем.

Но мы признаем „диктатуру" в том смысле и виде, что, и по нашему мнению, пролетариат должен вести прямую и беспощадную борьбу против власти буржуазии, вплоть до полной ее капитуляции, и что эту борьбу он может вести успешно лишь организуясь не в политическую партию, с целью захвата власти, а во внепартийную организацию, с прямой целью перенятия в свои руки всех средств и орудий производства. Мы признаем „диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства" не в смысле борьбы рабочих и крестьян за власть, в недрах политической партии, а в смысле борьбы вне партийных рабочих и крестьянских организаций за землю и фабрику, против власти буржуазии и ее насилия. И чтобы подчеркнуть отличие нашего понимания „диктатуры" от понимания социал-демократов, я, обыкновенно, говорю не о "диктатуре пролетариата" а о "диктатуре труда".

Возможно ли?

Но, возможно ли без „политики" (то-есть, в понимании с.-д., без борьбы за политическую власть при посредстве политической партии), возможно ли овладеть „экономикой" и отстоять ее?

Вот он, корень вопроса.

Социал-демократы (а ныне — большевики) постоянно говорят нам: для того, чтобы „овладеть экономикой", приступить к перенятию в свои руки земли и пр. и организовать новое хозяйство, — надо, сперва, „создать возможность" этой деятельности, т.-е. захватить политический аппарат власти в свои руки. Власть буржуазии (вспомните Керенского!) мешала бы вашей борьбе и организации...

Оставляя в стороне некоторые менее важные возражения, отвечаем: а вам, большевикам, — вашей партии, — власть буржуазии (вспомните Керенского!) не мешала? Вашей борьбе и организации она не препятствовала?

Мешала и препятствовала, — говорите вы.

Значит, в отношении „мешания" и „препятствования", в отношении сопротивления, — и ваша партийная, и трудовая, внепартийная организация находились бы в совершенно одинаковом положении. И та, и другая вынуждены были бы защищаться от насилий и покушений со стороны буржуазной власти.

Вы боролись против этой власти, против этих насилий и покушений? Да. Боролись.

И внепартийная организация боролась бы.

Вы победили? И внепартийная организация масс победила бы.

Так, в чем же разница?

В том, что партия боролась не только против власти, но и за власть, а мы говорим: боритесь против власти, но не за власть, а прямо за землю и фабрику — непосредственно и вне партий.

В чем же вы, большевики, усматриваете у нас невозможность борьбы и победы? Наоборот: мы смело утверждаем, что прямая борьба внепартийно организованных рабочих и крестьян против власти, за землю и фабрику (а не за власть) — и возможнее, и легче, и быстрее, и яснее, чем партийная борьба за власть. Мы уверены, что разрушение власти и "диктатура труда" на экономической базе (вместо политической "диктатуры пролетариата") больше и полнее обеспечивают победу.

О "советской власти"

Отношение наше к Советам вытекает логически из нашей общей позиции. Мы находим, что Советы должны внепартийно объединять, в меру необходимости, низшие трудовые (экономические) ячейки организации рабочих и крестьян.

"Власть" же Советов мы понимаем так же, как мы понимаем "диктатуру". Советы должны быть объединяющими ячейками сопротивления и разрушения власти буржуазии, пока она не уничтожена, но ни в коем случае не должны становиться сами "органами власти". Советы ведут борьбу против власти и насилия буржуазии, за землю и фабрику, за революцию, а не за власть.

Таковы, в самых кратких словах, наши основные возражения.

Прибавлю, что мы не особенно верим большевикам том, что они, действительно, сумеют превратить политическую диктатуру и власть партии в экономическую диктатуру пролетариата, с "властью Советов"...

Нет, не верим...